

Омерта

Автор:

Марио Пьюзо

Омерта

Марио Пьюзо

DETECTED. Тайна, покоровшая мир

Роман знаменитого писателя Марио Пьюзо «Омерта» завершает культовую сагу «Крестный отец», новую историю межклановых войн итальянской мафии в Америке.

После смерти великого сицилийского мафиозо дона Винченцо Дзено его малолетний сын Асторре перебрался в Нью-Йорк. Там его вырастил и воспитал ближайший помощник отца, Раймонде Априле. А когда того убили враги, Асторре стал защитником его семьи, состояния и интересов. Следуя кодексу чести мафии – омерте, – он объявил месть убийцам дона Раймонде, безжалостную и неотвратимую. Асторре не сторонник жестокости, но сейчас компромисса нет – и быть не может. Ибо для каждого сицилийца омерта священна...

Марио Пьюзо

Омерта

Посвящается Ивлин Мерфи

«Омерта:

сицилианский кодекс чести, запрещающий сообщать кому-либо о преступлениях, которые могли совершить люди, вызвавшие подозрения».

Энциклопедический словарь

Mario Puzo

OMERTA

Copyright © 1996 by Mario Puzo

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

В коллаже на обложке использованы фотографии: wavebreakmedia, Elena Pal, Kotenko Oleksandr, Justinessy, Zacarias Pereira da Mata, Songquan Deng / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Вебер В.А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

1967

В сложенном из грубого камня доме в деревне Кастельламаре-дель-Гольфо, расположенной на средиземноморском побережье Сицилии, умирал великий дон мафии. Винченцо Дзено, человека чести, всю жизнь любили и уважали за справедливость и непредвзятость решений, помощь, которую он оказывал

нуждающимся в ней, и беспощадность к тем, кто посмел пойти против его воли.

Рядом с ним сидели три его бывших соратника, каждому из которых он помог добиться власти и высокого положения: Раймонде Априле, обосновавшийся в Нью-Йорке, но не порвавший с Сицилией, Октавий Бьянко из Палермо и Бенито Кракси из Чикаго.

Дон Дзено был последним из истинных вождей мафии, всю жизнь неукоснительно соблюдавшим ее традиции. Он имел свою долю во всех деловых предприятиях, но только не в торговле наркотиками, проституции и прочих противозаконных деяниях. Бедняк, пришедший в его дом за деньгами, никогда не уходил с пустыми руками. Он выправлял несправедливости закона: верховный судья Сицилии мог выносить свои решения, но, если правда была на стороне проигравшего, дон Дзено накладывал вето на это решение, благо для этого у него были и воля, и средства.

Ни один любвеобильный молодчик не бросал соблазненную им дочь самого бедного крестьянина, если дон Дзено разъяснял ему преимущества освященного церковью брачного союза. Ни один банк не смел забрать землю не вернувшего кредит фермера, если не было на то согласия дона Дзено. Ни один юноша, жаждущий получить образование, не оставался за воротами университета из-за отсутствия денег на обучение. Если они принадлежали к его cosca, его клану, их мечты становились реальностью. Законы, принимаемые в Риме, не учитывали традиций Сицилии, а потому не имели силы; дон Дзено брал над ними верх любой ценой.

Но дону перевалило за восемьдесят, и в последние годы его власть начала слабеть. Он проявил слабость, женившись на юной красавице, которая родила ему славного мальчугана. И старик, понимая, что конец близок, а без него cosca подвергнется сильному давлению со стороны более могущественных кланов Корлеоне и Клеркуцио, тревожился о будущем сына.

Он поблагодарил трех своих друзей за проявленное к нему уважение: они проехали немало миль, откликнувшись на его просьбу. А потом высказал им свое желание. Дон хотел, чтобы его сына Асторре увезли в безопасное место и воспитали в традициях чести, которым его отец следовал всю свою жизнь.

– Я смогу умереть с чистой совестью, – сказал дон, хотя его друзья знали, что за долгую жизнь он приговорил к смерти сотни людей, – если буду уверен в безопасности моего сына. Ибо в этом двухлетнем мальчонке я уже вижу душу и сердце настоящего мафиозо. Ныне это большая редкость.

Он добавил, что хочет выбрать одного из них в опекуны ребенку и успешное выполнение этого ответственного поручения в будущем будет с лихвой вознаграждено.

– Как странно, – взгляд дона Дзено затуманился. – Согласно традициям, истинным мафиозо является первый сын. Но со мной все вышло иначе. Только на восьмидесятом году жизни моя мечта стала явью. Человек я не суеверный, но, если бы был таким, мог бы поверить, что в этом ребенке дух самой Сицилии. Глаза у него такие же зеленые, как оливки, растущие на моих лучших деревьях. И натура сицилийская – романтическая, музыкальная, широкая. Но при этом обиды он не забывает, несмотря на столь юный возраст. Сейчас, однако, он нуждается в защите.

– И вы хотите, чтобы мы ее обеспечили, дон Дзено? – спросил Кракси. – Я с радостью возьму вашего сына в свой дом и воспитаю, как собственного.

Бьянко бросил на него негодующий взгляд.

– Я знаю мальчика с рождения. Он мне уже как сын. Я воспитаю его в своем доме.

Раймонде Априле молча смотрел на дона Дзено.

– А ты, Раймонде? – спросил дон.

– Если вы выберете меня, ваш сын станет моим сыном, – ответил тот.

Дон задумался, все трое были достойными людьми. В Кракси он ценил ум. Бьянко был самым честолюбивым и могущественным. Априле, очень сдержанный, в вопросах чести всегда придерживался той же позиции, что и дон. И не знал жалости.

Дон Дзено, даже умирая, понимал, что опека над его сыном больше всего нужна Раймонде Априле. Он больше всех выигрывал от любви ребенка, и он, безусловно, мог научить его сына, как выжить в этом предательском мире.

Дон Дзено долго молчал, прежде чем вынести окончательное решение.

– Раймонде, ты будешь ему отцом. А я смогу уйти с миром.

* * *

Хоронили дона, как императора. Засвидетельствовать свое почтение прибыли главы всех сицилийских семей, министры из Рима, владельцы крупнейших латифундий и, конечно же, сотни членов обширного клана Дзено. И двухлетний Асторре Дзено, одетый во все черное, с горящими глазами, восседал на черном, запряженном лошадьми катафалке, словно римский император.

Службу отслужил кардинал Палермо.

– В болезни и полном здравии, в радости и горе мы все знали, что дон Дзено всегда оставался нашим верным другом, – такими словами закончил он свою речь, а потом процитировал последние слова дона: «Я вверяю себя богу. Он простит мои грехи, ибо каждый день своей жизни я старался прожить по справедливости».

После похорон Раймонде Априле увез Асторре Дзено в Америку, где мальчик стал полноправным членом его семьи.

Глава 1

Когда братья Стурцо, Фрэнки и Стейс, свернули на подъездную дорожку дома Хескоу, они увидели четверых очень высоких подростков, играющих в баскетбол в маленьком дворике. Едва Фрэнки и Стейс вылезли из огромного «Бьюика», им навстречу вышел Джон Хескоу, высокий, широкоплечий, с обширной лысиной, окруженной венчиком волос, и маленькими поблескивающими синими глазками.

– Как вовремя я вышел из дома! – воскликнул Хескоу. – Аккурат чтобы встретить дорогих гостей.

Игра приостановилась.

– Это мой сын Джоко, – гордо представил Хескоу самого высокого из подростков.

Джоко протянул громадную лапищу Фрэнки.

– Слушай, а сыграй с нами? – предложил тот.

Джоко оглядел гостей. Шесть футов роста, крепкие, подтянутые. В рубашках от Ральфа Лорена, красной и зеленой, брюках, кроссовках. Добродушные, симпатичные. Он решил, что им чуть больше сорока.

– Почему нет? – Джоко улыбнулся.

Стейс ответил ему ослепительной улыбкой.

– Вот здорово! Мы проехали три тысячи миль, и нам надо поразмяться.

Джоко повернулся к своим приятелям, самую малость уступающим ему в росте.

– Я возьму их к себе против вас троих. – Играл он лучше остальных, вот и решил, что даст друзьям отца шанс на победу.

– Вы только не усердствуйте. – Джон Хескоу повернулся к приятелям сына. – Они уже старички, так что им трудно угнаться за вами.

Стоял декабрь, воздух паром вырывался изо рта. Блеклое зимнее солнце отражалось от стеклянной крыши и стен цветочных теплиц Хескоу: торговля цветами служила ширмой его основному занятию.

Молодые приятели Джоко начали расслабленно, не ожидая серьезного сопротивления. Но их ждал сюрприз: Фрэнки и Стейс без труда проскакивали мимо них, чисто выходя на кольцо. Джоко оставался не у дел: мяч ему не давали.

Молодежь попыталась использовать преимущество в росте, но старички на удивление легко блокировали их броски. Наконец один из юношей вышел из себя и встретил проход Фрэнки выставленным локтем. А в следующее мгновение оказался на земле. Джоко так и не понял, как это случилось. Зато Стейс стукнул мячом братца по голове со словами: «Хватит, играть надо». Фрэнки помог парню встать, похлопал по заду, сказал: «Слушай, я извиняюсь». Игра продолжалась еще пять минут, но потом «старички» выдохлись и молодежь могла брать их голыми руками. Так что Фрэнки и Стейс решили, что на сегодня баскетбола хватит.

Хескоу принес всем по стакану лимонада, и подростки окружила Фрэнки, который обладал харизмой и иногда действовал на площадке, как заправский профессионал. Фрэнки обнял парня, которого сшиб с ног, обаятельно улыбнулся ему.

– Прислушайтесь к советам старичка. Никогда не ведите мяч перед тем, как отдать пас. Никогда не прекращайте борьбы, даже если вы отстаєте на двадцать очков. И никогда не встречайтесь с женщиной, у которой больше одной кошки.

Подростки рассмеялись.

Фрэнки и Стейс пожали руки каждому, поблагодарили за игру и следом за Хескоу вошли в нарядный, выкрашенный зеленой краской дом.

– Эй, а вы отлично играете! – крикнул им вслед Джоко.

В доме Джон Хескоу сразу отвел братьев наверх, в отведенную им комнату. С тяжелой дверью и очень хорошим замком. Братья это заметили, когда Хескоу, переступив порог, закрыл за собой дверь.

В просторной комнате с примыкающей к ней ванной стояли две односпальные кровати (Хескоу знал, что братья любят спать в одной комнате) и громадный сундук, окованный металлическими полосами, с тяжелым висячим замком. Хескоу достал ключ, открыл замок, откинул крышку, выставив напоказ несколько пистолетов, автоматических винтовок, коробок с патронами.

– Пойдет? – спросил он.

– Глушителей нет, – отметил Фрэнки.

– В этом деле глушители вам не понадобятся.

– Это хорошо, – кивнул Стейс. – Ненавижу глушители. Ни в кого не могу попасть с глушителем.

– Ладно, вы, парни, принимайте душ, устраивайтесь, а я разгоню молодежь и приготовлю ужин. Как вам мой мальчик?

– Отличный парень, – ответил Фрэнки.

– Вам понравилось, как он играет? – Хескоу аж покраснел от гордости за сына.

– Лучше всех.

– Стейс, а ты как думаешь? – повернулся Хескоу ко второму брату.

– Могу только согласиться.

– Ему предлагают спортивную стипендию в Вилланове[1 - Вилланова – частный университет в Пенсильвании, основан в 1842 г.]. Оттуда прямой путь в НБА.

* * *

Когда братья спустились вниз, Хескоу уже ждал их в столовой. Он приготовил мясо с грибами и огромную миску зеленого салата. На столе, накрытом на троих, стояла бутылка красного вина.

Стурцо и Хескоу сели за стол. Давние друзья, они многое знали о прошлом друг друга. Хескоу развелся тринадцать лет тому назад. Его бывшая жена и сын жили в паре миль к западу, в Бабилоне. Но Джоко частенько бывал у отца, который уделял сыну очень много времени.

– Вроде бы вы собирались приехать завтра утром, – заметил Хескоу. – Если б я знал, что вы приедете сегодня, то попросил бы парня не заглядывать ко мне. А когда вы позвонили, я уже не мог их выпроводить.

– Все нормально, – заверил его Фрэнки. – Они нам не помешали.

– А вы здорово с ними смотрелись, – Хескоу улыбнулся. – У вас не было желания податься в профессионалы?

– Нет, – мотнул головой Стейс. – Мы слишком маленькие, всего шесть футов. Великаны нам не по зубам.

– Только не произноси таких слов в присутствии моего сына! – в притворном ужасе воскликнул Хескоу. – Ему с ними играть.

– Никогда, – ответил Стейс. – Можешь не беспокоиться.

Хескоу отпил вина. Ему нравилось работать с братьями Стурцо. Такие веселые парни, не то что та шваль, с которой обычно приходилось иметь дело. Они прекрасно ладили с окружающим их миром, а прежде всего – друг с другом. От них так и веяло уверенностью и в себе, и в завтрашнем дне.

Все трое ели медленно, не торопясь. Тарелки Хескоу наполнял прямо из сковородки.

– Я давно уже хотел тебя спросить, – Фрэнки повернулся к Хескоу. – Почему ты поменял фамилию?

– С тех пор много воды утекло, – вздохнул Хескоу. – Я не стыдился того, что я – итальянец. Но беда в том, что выглядел я как гребаный немец. Светлые волосы, синие глаза, нос картошкой. Не вязалась моя внешность с итальянской фамилией.

Близнецы добродушно рассмеялись. Они знали, что он вешает им лапшу (точнее, спагетти) на уши, но ничего не имели против.

Когда они покончили с салатом, Хескоу налил всем кофе, поставил на стол тарелку с итальянскими пирожными. Предложил сигары, но братья отказались, предпочтя «Мальборо». Сигареты больше подходили к их загорелым, иссеченным ветром западным лицам.

– Пора переходить к делу, – Стейс выпустил струю дыма. – Должно быть, оно серьезное, раз уж нам пришлось проехать три тысячи гребаных миль. Мы могли бы и прилететь.

– Не так уж мы и напрягались, – возразил ему Фрэнки. – Мне поездка очень даже понравилась. Мы же увидели Америку собственными глазами. Отлично провели время. А какие хорошие люди встречались нам в маленьких городках!

– Все так, – кивнул Стейс. – Но дорога выдалась длинная.

– Мне не хотелось, чтобы вы оставляли следы в аэропортах, – пояснил Хескоу. – Проверки всегда начинаются там. А искать будут по полной программе. Но вас, ребята, это не смущает, так?

– Мне без разницы, – ответил Стейс. – Так кто это будет?

– Дон Раймонде Априле.

Последовала долгая пауза, и впервые Хескоу уловил холод смерти, идущий от братьев Стурцо.

– Ты заставил нас проехать три тысячи миль, чтобы предложить такую работу? – ровным, спокойным голосом спросил Фрэнки.

– Джон, мы рады, что повидались с тобой, – с улыбкой добавил Стейс. – А теперь заплати наш «отказной» гонорар, и мы поедem. – Близнецы рассмеялись, Хескоу – нет: он шутки не понял.

Один из приятелей Фрэнки, журналист, сотрудничавший с различными изданиями, как-то объяснил близнецам, что редакция может возместить все расходы по написанию статьи, а потом отказаться от нее, заплатив лишь малую часть вознаграждения, которое полагалось за публикацию. Близнецам эта идея

приглянулась. И теперь они брали деньги даже за то, что выслушивали предложение. В данном случае из-за дальней дороги и участия в переговорах их обоих «отказной» гонорар составлял двадцать тысяч.

Но работа Хескоу заключалась в том, чтобы уговорить близнецов взять заказ.

– Дон отошел от дел три года тому назад, – мягко напомнил он. – Все его друзья сидят в тюрьме. Никакой власти у него больше нет. Вы получите миллион баксов. Половину после того, как покончите с ним, вторую – через год. Разумеется, этот год вам придется вести себя тихо. Все схвачено. Вам остается только нажать на спусковой крючок.

– Миллион баксов, – повторил Стейс. – Это большие деньги.

– Мой клиент знает, что убить дона Априле – дело серьезное. Поэтому он хочет привлечь лучших специалистов. С холодной головой и твердой рукой. А лучше вас никого нет.

– Мало кто решится на такой риск, – вставил Фрэнки.

– Да, – кивнул Стейс. – С этим придется жить до конца жизни. А убийц дона Априле будут искать не только копы и феды[2 - Феды – жаргонное прозвище агентов Федерального бюро расследований.].

– Я клянусь вам, что нью-йоркская полиция рвать подметки не будет. ФБР же просто отмахнется от этого дела.

– А старые друзья дона? – спросил Стейс.

– У мертвых друзей нет. – Хескоу помолчал. – Когда дон отошел от дел, он оборвал все связи. Волноваться не о чем.

Фрэнки повернулся к брату:

– Забавно, не так ли? Все наши заказчики всегда говорят нам о том, что волноваться не о чем.

Стейс рассмеялся.

– Все потому, что стрелять-то не им. Джон, ты наш давний друг. Мы тебе доверяем. А если ты ошибаешься? Любой может ошибиться. Что будет, если у донна остались друзья? Ты знаешь его методы. Никакой пощады. А когда нас поймают, мы не просто умрем. Сначала нам придется провести пару часов в аду. А потом придет черед родственников. В том числе и твоего сына. Покойники в НБА не играют. Может, нам надо знать, кто за это платит?

Хескоу наклонился к ним, кровь прилила к лицу.

– Я не могу вам этого сказать. Вы же знаете. Я всего лишь посредник. И я подумал обо всем этом дерьме. Вы же не держите меня за идиота? Всем известно, кто такой дон. Но он беззащитен. Я получил гарантии на самом высоком уровне. Полиция будет только имитировать расследование. ФБР не ударит пальцем о палец. И верхушка мафии вмешиваться не станет. Дело бесприкрытое.

– Я и представить не мог, что увижу в прицеле донна Априле. – По голосу Фрэнки чувствовалось, что предложение льстит его самолюбию. – Убить человека, которого в его мире все боялись и уважали.

– Фрэнки, это не баскетбольный матч, – напомнил брату Стейс. – Если мы проиграем, нам не удастся пожать руки победителям и уйти с корта.

– Стейс, на кону миллион баксов. И Джон никогда нас не подводил. Думаю, надо соглашаться.

Стейс почувствовал нарастающее возбуждение. Какого черта? Он и Фрэнки смогут постоять за себя. А миллион баксов предлагают не каждый день. Цифра произвела должное впечатление.

– Хорошо, – кивнул Стейс, – мы в доле. Но если ты ошибся, помолим господу проявить милосердие к нашим душам. – В детстве Стейс прислуживал в церкви.

– А дон не находится под надзором ФБР? – спросил Фрэнки. – Нам это не помешает?

– Нет, – покачал головой Хескоу. – Когда все его друзья угодили за решетку, дон отошел от дел, как джентльмен. ФБР это оценило. Его оставили в покое. Я это гарантирую. А теперь о деле.

Ему потребовалось полчаса, чтобы изложить все детали.

– Когда? – спросил наконец Стейс.

– В воскресенье утром, – ответил Хескоу. – Два дня поживете здесь. Потом улетите на частном самолете из Ньюарка.

– Нам понадобится очень хороший водитель, – заметил Стейс. – Можно сказать, уникальный.

– За руль сяду я. – Хескоу помолчал, а потом добавил, с нотками извинения в голосе: – Оплата больно хорошая.

В этот уик-энд Хескоу ухаживал за братьями Стурцо, как за малыми детьми. Готовил им еду, выполнял все поручения. В жизни ему довелось повидать многое, но иной раз при взгляде на гостей у него по коже пробежал холодок. Они никогда не расслаблялись, каждое мгновение были настороже, но при этом вели себя очень дружелюбно и даже поработали с ним в теплице.

Перед ужином братья сыграли друг против друга в баскетбол, и Хескоу как зачарованный наблюдал за мускулистыми телами. Фрэнки отличали быстрота и точность. Стейс брал разумностью действий. Хескоу даже подумал, что Фрэнки мог прижиться в НБА. Однако в реальной жизни Хескоу поставил бы на Стейса. Тут ударной силой был именно он.

Глава 2

После мощных ударов по семьям мафии, нанесенных ФБР в девяностых годах, уцелели лишь двое. К дону Раймонде Априле, самому уважаемому, вызывавшему наибольший страх, ФБР не удалось подступиться. А дон Тиммона Портелла, могуществом практически не уступавший дону Априле, но сильно

проигрывающий в человеческих качествах, по всеобщему убеждению, уцелел лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств.

Но будущее не сулило радостных перспектив. Принятый в 1970 году закон РИКО[3 - Закон РИКО (RICO Act) – закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиоров организациях. Принят в 1970 г. с целью борьбы с организованной преступностью. Разрешал конфискацию после предъявления обвинительного акта незаконно приобретенных или используемых активов обвиняемого и предусматривал возмещение убытков истца в тройном размере, если последний мог доказать, что ответчик систематически занимался рэкетом.], энергичность действий следственных бригад ФБР, солдаты американской мафии, забывшие об омерте, – все это убедило дона Раймонде Априле, что ему пора уходить со сцены.

Свою семью дон Априле возглавлял тридцать лет и уже стал легендой. Вырос он на Сицилии, так что не было в нем напыщенности и самодовольства главарей мафии, рожденных в Америке. Куда больше напоминал он сицилийцев, которые правили городами и деревнями в девятнадцатом веке, обладая личной харизмой, руководствуясь законом чести, не зная пощады к врагу. Дон Априле также доказал, что ему свойственна и стратегическая мудрость славных героев прошлого.

И теперь, в шестьдесят два года, он навел полный порядок в своих делах. Избавился от врагов, выполнил свои обязательства перед друзьями и детьми. Он мог с чистой совестью наслаждаться старостью, забыв о дисгармонии мира, в котором довелось жить, свыкаясь с ролью джентльмена-банкира и столпа общества.

Трое его детей выросли, выучились, стали первоклассными специалистами в выбранной ими сфере деятельности и продолжали успешно работать. Старший сын дона Априле, Валерий, тридцати семи лет от роду, сам счастливый отец семейства, полковник американской армии, преподавал в Уэст-Пойнте[4 - Уэст-Пойнт – разговорное название Военной академии сухопутных войск США.]. Его карьеру предопределила детская застенчивость Валерия. Чтобы выработать в нем мужской характер, дон Априле определил сына в кадетское училище в Уэст-Пойнте.

Второй сын дона Априле, Маркантонио, благодаря загадочной мутации генов к тридцати пяти годам стал одним из директоров национальной телевещательной

компании. Еще ребенком он частенько уходил в себя и жил в воображаемом мире. Дон полагал это недостатком. И даже теперь, когда имя сына частенько мелькало в прессе, а созданные им программы получали самые лестные отзывы, дону это нравилось, но не убеждало, что его Маркантонио состоялся как личность. В конце концов, он был его отцом. И кто может знать сына лучше, чем отец?

Его дочь Николь в детстве любя называли Никки, но в шестилетнем возрасте девочка на полном серьезе заявила, что будет откликаться только на полное имя. Во всех спорах она была главным и любимым партнером дона Априле. Получив юридическое образование, к двадцати девяти годам она стала известным специалистом по корпоративному праву, активно боролась за права женщин и защищала бедных и несчастных преступников, которые не могли позволить себе компетентного, а следовательно, дорогого адвоката. Особенно преуспела она в спасении убийц от электрического стула, женщин, отправляющих на тот свет мужей, – от тюрьмы, насильников – от пожизненного заключения. Она яростно боролась против смертной казни, верила в исправление любого преступника и критиковала экономическое устройство Соединенных Штатов. Она полагала, что такая богатая страна, как Америка, обязана заботиться о бедных, невзирая на их недостатки. При всем этом она досконально знала корпоративное право, могла провести самые сложные переговоры, добиваясь нужного результата, а железная воля сочеталась в ней с потрясающей внешностью. Дон не соглашался с Николь ни в чем.

Асторре звался племянником дона Априле, хотя проводил с ним гораздо больше времени, чем Валерий, Маркантонио или Николь. С трех до шестнадцати лет дон не выделял его среди остальных детей, до того самого момента, как одиннадцать лет тому назад отправил в ссылку на Сицилию. В Америку Асторре вернулся уже после того, как дон отошел от дел.

* * *

Дон тщательно спланировал свой уход. Он разделил свою империю, чтобы успокоить потенциальных врагов, и вознаградил верных друзей. Дон знал, что благодарность долго не живет и поток подарков не должен иссякать. Особые усилия дон предпринял, чтобы задобрить Тиммону Портеллу. Портелла представлял опасность в силу своей эксцентричности и патологической страсти к убийствам. Зачастую он приказывал убивать без всякой надобности, не говоря

уже о поводе.

Как Портелла избежал ареста в устроенной ФБР охоте на главарей мафии, для всех осталось загадкой. Все-таки он был типичным доном, родившимся в Америке, привыкшим переть напролом, не стесняясь в выборе средств, с взрывным темпераментом. Здоровенный, с огромным животом, в одежде Портелла отдавал предпочтение ярким цветам, словно палермский *picciotto*, молодой член мафии, стоящий на низшей ступени иерархической лестницы. Дожив до пятидесяти лет, он так и не женился и постоянно менял женщин. А если кого и любил, так это своего младшего брата Бруно, умственно отсталого, но такого же жестокого, как и Тиммона.

Дон Априле никогда не доверял Портелле и дело с ним имел крайне редко. Но прекрасно понимал, насколько тот опасен, а потому попытался нейтрализовать. И пригласил Тиммону Портеллу на деловую встречу.

Портелла приехал со своим братом Бруно. Априле принял их радушно и сразу перешел к делу.

– Мой дорогой Тиммона, я отхожу от всех моих дел, оставляя себе только банки. Теперь ты будешь у всех на глазах, так что тебе надо быть вдвойне осторожным. Если тебе потребуется совет, не колеблясь, звони мне. Кое-какие связи у меня все равно останутся.

Бруно, которого репутация дона приводила в благоговейный трепет, радостно улыбнулся, довольный тем уважением, которое дон оказывал его брату. Но Тиммона понял и тайный смысл слов дона. Он знал, что его предупредили.

И почтительно кивнул в ответ.

– Никому из нас не сравниться с тобой в здравомыслии, – ответил он. – И я с уважением отнесусь к любому твоему решению. Рассчитывай на меня как на друга.

– Очень хорошо, очень хорошо. – Дон чуть улыбнулся. – И вот о чем я хочу тебя предупредить. Этот агент ФБР, Силк, дьявольски хитер. Ни в чем и никогда не доверяй ему. Он опьянел от успехов, и следующей его мишенью станешь ты.

Они выпили, после чего братья Портелла откланялись и отбыли.

– Великий человек! – уже в машине воскликнул Бруно.

– Да, – протянул Портелла. – Был великим.

Дон остался доволен встречей. Он заметил тревогу, мелькнувшую в глазах Портеллы, и окончательно убедился, что этого человека он уже может не опасаться.

* * *

Дон Априле попросил Курта Силка, главу нью-йоркского отделения ФБР, о личной встрече. За долгие годы их противостояния дон, к своему удивлению, начал восхищаться Силком. Тому удалось отправить в тюрьму большинство главарей мафии Восточного побережья.

Дон Раймонде избежал общей участи, потому что знал тайного информатора Силка, того самого, кто и обеспечил его успех. А восхищался дон Силком потому, что последний всегда играл честно, не пытался подтасовывать факты или бросить тень на детей дона. Поэтому дон и счел необходимым предупредить Силка о грозящей опасности.

* * *

Встреча произошла в загородном доме дона в Монтауке. Силк должен был приехать один, что запрещалось правилами Бюро. Но директор ФБР лично разрешил Силку принять участие в этой встрече, хотя и настоял на том, чтобы Силк воспользовался специальным записывающим устройством. Его вживили в тело Силка, пониже грудной клетки, и обнаружить его не представлялось возможным. Широкая общественность ничего не знала о существовании таких приборов, и их изготовление велось под строгим контролем. Силк прекрасно понимал цель записи – зафиксировать все то, что он скажет дону Априле.

Они встретились в золотой октябрьский полдень на просторной веранде. Силку не удалось установить в доме подслушивающие устройства, а судья не

разрешил вести круглосуточное наблюдение за домом. В тот день люди донна его не обыскали, что в немалой степени удивило Силка. Очевидно, дон Раймонде Априле не собирался предлагать ему что-то противозаконное.

Как всегда, Силка удивляло и даже чуть тревожило впечатление, которое производил на него дон. Даже зная о том, что этот человек приказал убить добрую сотню людей и бесчисленное число раз нарушал законы, Силку никак не удавалось возненавидеть его. Но при этом он верил, что такие люди есть зло, и винил их в том, что они разрывали и без того непрочную ткань общественного порядка.

Дон Априле был одет в темный костюм, темный галстук и белую рубашку. В лице его не было ничего жестокого, наоборот, на нем читались доброжелательность и сострадание. И Силку оставалось только гадать, как в одном человеке могли сочетаться такое лицо и абсолютная безжалостность.

Дон тактично не протянул Силку руки, чтобы не ставить агента ФБР в неудобное положение. Знаком предложил гостю сесть и приветственно кивнул.

– Я хочу, чтобы вы взяли меня и мою семью под вашу защиту... точнее, защиту общества.

Силк изумленно воззрился на него. Куда клонит старик?

– Последние двадцать лет я был для вас врагом. Вы преследовали меня, но я всегда испытывал к вам чувство благодарности, потому что играли вы честно. Не пытались подсунуть компрометирующие улики, никого не склоняли к даче ложных показаний. Вы отправили в тюрьму большинство моих друзей и прилагали все силы, чтобы я последовал за ними.

Силк улыбнулся.

– До сих пор прилагаю.

Дон согласно кивнул.

– Я избавился от всех сомнительных предприятий, оставив себе лишь несколько банков, а это, безусловно, респектабельный бизнес. Я отдаю себя под защиту общества. И вы в немалой степени облегчите себе жизнь, если больше не будете преследовать меня. Потому что теперь в этом нет никакой необходимости.

Сил к пожал плечами:

– Это решает Бюро. Я столько лет пытался добраться до вас, так чего останавливаться? Вдруг мне повезет.

Дон помрачнел, его лицо прорезали морщины усталости.

– В обмен я могу вам кое-что предложить. На мое решение повлияли те огромные успехи, которых вы достигли в последние годы. Но дело в том, что я знаю вашего главного осведомителя. Знаю, кто он. И никому об этом не говорил.

Сил к на несколько секунд замялся с ответом, а потом заговорил бесцветным голосом:

– У меня такого осведомителя нет. И потом, решает Бюро – не я. Так что вы напрасно потратили мое время.

– Нет, нет, я не ищу никакой выгоды, речь идет лишь об услуге. Позвольте мне, учитывая мой возраст, поделиться с вами личным опытом. Не пользуйтесь силой только потому, что она на вашей стороне. И пусть ощущение победы не кружит вам голову, если сердце подсказывает вам, что в этой победе есть капля трагедии. Позвольте сказать, что теперь я воспринимаю вас как друга, а не врага и прошу подумать о том, что вы приобретете или потеряете, отказавшись от моего предложения.

– Если вы действительно отошли от дел, какая мне польза от вашей дружбы? – улыбнулся Силк.

– Мое доброе отношение, – ответил дон. – А это немаловажно, даже если речь идет о ничтожнейшем из людей.

* * *

Позднее, когда Силк прокрутил пленку своему заместителю Биллу Бокстону, тот спросил:

– И что сие должно означать?

– Тебе еще есть чему учиться. Слышать надо не только слова, но и то, что стоит за ними. Дон поставил меня в известность, что он далеко не так беззащитен, как может показаться, и будет приглядывать за мной.

– Ерунда, – отмахнулся Бокстон. – Они не посмеют поднять руку на федерального агента.

– Это правда. Поэтому я не откажусь от намерения отправить его в тюрьму, независимо от того, отошел он от дел или нет. Однако сомнения у меня остаются. Может, он действительно хочет...

* * *

Изучив истории наиболее известных династий Америки, этих «баронов-разбойников»[5 - «Бароны-разбойники» — презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в., зачастую при помощи обмана и грубой силы (сам термин пошел от прозвища мелких феодалов в средневековой Европе, взимавших подати за проезд через свои земли).], которые, не зная жалости, создавали свои империи, попирая все законы и нормы человеческой морали, дон Априле, как и они, увлекся благотворительностью. Он мог себе это позволить, потому что построил свою империю: ему принадлежали десять банков в крупнейших городах мира. Он участвовал в строительстве больницы для бедных. Он поддерживал художников, писателей, актеров. Он учредил кафедру изучения эпохи Возрождения в Колумбийском университете.

Действительно, Йельский и Гарвардский университеты отказались от его двадцати миллионов на постройку студенческого общежития имени Христофора Колумба (первооткрывателя Америки в ту пору в интеллектуальных кругах не жаловали). Йель, впрочем, согласился взять деньги при условии, что общежитие назовут в честь Сакко и Ванцетти[6 - Сакко и Ванцетти – анархисты, деятели

рабочего движения. 5 мая 1920 г. были арестованы по обвинению в убийстве с целью ограбления кассира обувной фабрики. Процесс проходил в обстановке панического страха перед развитием рабочего движения и «красной опасности». Несмотря на отсутствие прямых улик, 14 июня 1921 г. признаны виновными и приговорены к смертной казни на электрическом стуле. 23 августа 1927 г. казнены без рассмотрения апелляции, невзирая на признание арестованного к тому времени настоящего убийцы кассира.], но дон Сакко и Ванцетти не вдохновляли. Он презирал мучеников.

Человек не столь достойный посчитал бы себя униженным и оскорбленным и затаил обиду, но только не дон Раймонде Априле. Он просто отдал эти деньги католической церкви на ежедневные мессы в память его жены, уже двадцать пять лет пребывавшей на небесах.

Он пожертвовал миллион долларов Ассоциации друзей нью-йоркской полиции и еще миллион – Обществу защиты нелегальных иммигрантов. Все три года, прошедшие после его отхода от дел, он стремился улучшить мир, в котором ему довелось жить. Он откликнулся на все просьбы о пожертвованиях, кроме одной. Дон Априле отказал в материальной поддержке развернутой Николь кампании за запрещение смертной казни, ее крестового похода, конечной целью которого являлось исключение высшей меры наказания из уголовного законодательства.

Пусть это покажется удивительным, но три года добрых дел и щедрости позволили практически вычеркнуть из памяти общества те тридцать лет, на протяжении которых дон Раймонде Априле выставляли исключительно в черном цвете. Многие великие покупали доброе отношение к себе, прощение за предательство друзей и жестокие, непопулярные решения. И дон был не чужд этой слабости.

Тридцать лет он прожил, ни на йоту не отходя от установленных им строгих моральных норм, пусть они и расходились с моральными нормами, по которым жило общество. В своде заповедей, которыми он руководствовался, и следовало искать причины уважения, которым пользовался дон все эти годы, и безграничного страха, который служил основой его могущества. Потому что главная заповедь гласила: никакой жалости.

И дело тут было не в особой внутренней жестокости, патологическом желании причинять боль, а в абсолютной убежденности, что неповиновение у людей в крови. Даже Люцифер, ангел, и тот посмел пойти против воли бога, за что его и

низвергли с небес.

Поэтому честолюбивому человеку, стремящемуся к власти, просто не оставалось другого выбора. Конечно, можно попытаться убедить оппонента, заинтересовать. Но если все усилия не давали нужного результата, оставалось только одно – убить. Никаких иных угроз, которые могли вызвать желание отомстить. Непонятливых и упрямых просто убивали из этого мира.

Предательство дон почитал величайшим из преступлений. А потому страдал не только предатель, но его семья и ближайшие друзья. Уничтожалось все, связанное с ним. Ибо многие храбрые, гордые люди ради достижения своих целей могли рискнуть жизнью, но думали дважды, прежде чем подставить под удар своих близких. Отсюда и тот ужас, который наводил на всех дон Априле. А для завоевания не столь уж необходимой любви он полагался на свою щедрость в земных благах.

Необходимо отметить, что он не знал жалости и к себе. Обладая невероятной властью, он не смог предотвратить смерть молодой жены, которая родила ему троих детей. Шесть месяцев на его глазах она умирала от рака долгой и мучительной смертью. Этого времени вполне хватило на то, чтобы прийти к печальному выводу: она наказана за все совершенные им смертные грехи. И он сам наложил на себя покаяние: второй раз не женится; детей отошлет, чтобы они учились жить в законопослушном обществе, не имея ничего общего с его миром, полным опасности и ненависти; поможет им найти свой путь, но они не будут принимать участия в его делах. С печалью в душе он отказал себе в истинных радостях отцовства.

Итак, Николь, Валерий и Маркантонио отправились в частные школы-интернаты. От своей личной жизни дон Априле отгородил их глухой стеной. Когда они приезжали домой на каникулы, он играл роль любящего отца, но не подпускал к себе. Они так и не стали частью его мира.

Несмотря ни на что, даже зная о его репутации, дети любили дон Априле, пусть никогда и не говорили об этом между собой.

Никто не мог упрекнуть дон Априле в сентиментальности. Близких друзей он мог пересчитать по пальцам, домашних животных не держал, всячески избегал праздничных мероприятий. Лишь однажды, много лет тому назад, он совершил

поступок, изумивший всех его коллег.

Дон Априле, вернувшись с Сицилии с маленьким ребенком, узнал, что жена его умирает от рака, а трое детей пребывают в отчаянии. Не желая, чтобы тягостная атмосфера отрицательно подействовала на впечатлительного ребенка, дон решил поручить его заботам одного из своих ближайших сподвижников, Фрэнка Виолы, и его жены. Как выяснилось, выбор дон сделал неудачный. В то время Фрэнк Виола уже лелеял планы занять место дона.

Но едва жена дона умерла, трехлетний Асторре Виола вновь стал членом его семьи, после того как его приемный отец покончил с собой в багажнике своего автомобиля, а мать умерла от мозгового кровотечения. Именно тогда дон Априле взял Асторре в свой дом и стал для него дядей.

Когда Асторре подрос и начал спрашивать о родителях, дон Раймонде сказал, что забрал его из сиротского приюта. Асторре, не по годам умный и проницательный, по-прежнему пытался докопаться до истины, и дон, чтобы избежать дальнейших расспросов, объяснил мальчику, что его родители, бедные крестьяне, не могли прокормить ребенка и отдали богатому иностранцу, а сами умерли в маленькой сицилийской деревушке. Дон видел, что такое объяснение не устроило мальчика. Ему, конечно, не хотелось обманывать Асторре, но он прекрасно понимал, что происхождение ребенка, его мафиозные корни – все это пока должно оставаться тайной. Ради безопасности как Асторре, так и собственных детей дона Априле.

Дон Раймонде обладал даром предвидения и знал, что успех не может на веки вечные сопутствовать ему, слишком предательский его окружал мир. Возможно, поначалу он даже не осознавал цели, которую поставил перед собой, но великие интуитивно чувствуют, что может потребоваться им в будущем. И в этом случае, честно говоря, он действовал из сострадания. Едва ли дон разглядел в трехлетнем Асторре мужчину, которым тот стал, когда вырос. И едва ли он уже тогда мог предположить, какую важную роль будет играть Асторре в его семье.

Дон не сомневался, что источником славы и процветания Америки стало появление великих семей, а высший свет общества сформировался из людей, предки которых совершили тягчайшие преступления против этого самого общества. Именно эти люди, гонясь за богатством, построили Америку, а их прегрешения за давностью лет были забыты и обратились в пыль. Но разве могли они поступить иначе? Им следовало оставить Великие равнины индейцам,

которые не могли построить трехэтажный дом? А Калифорнию – мексиканцам, которые и представить себе не могли, как соорудить акведуки, давшие жизнь тысячам и тысячам акров земли? Америка привлекала со всего мира миллионы бедняков, чтобы их трудом прокладывать железные дороги, возводить дамбы, строить небоскребы. Да, статую Свободы мог придумать только гений-рекламщик. И ведь все обернулось к лучшему. Да, без трагедий не обошлось, но такова уж правда жизни. Зато Америка превратилась в рог изобилия. И толика несправедливости – не такая уж большая цена, учитывая, чего ей удалось достичь. Отдельные личности всегда становились жертвами продвижения вперед – как цивилизации в целом, так и отдельно взятых государств.

Но к великим людям это не относилось. Жертвенность не была их уделом. Так или иначе, преступными деяниями, аморальными поступками, иезуитской хитростью они мчались на гребне волны человеческого прогресса.

Таким человеком был и дон Раймонде Априле. Он добивался власти умом и безжалостностью. Он вызывал страх, он стал легендой. Но его дети, став взрослыми, не верили большинству чудовищных историй, которые рассказывали об их отце.

Одна из таких историй относилась к тому времени, когда дон Априле только возглавил семью. Среди прочего, он контролировал строительную компанию, которой руководил Томми Лиотти. Благодаря контрактам, которые обеспечивал дон, компания приносила большие прибыли, а Лиотти разбогател. Человек он был веселый, остроумный, и дону нравилось его общество. Недостаток у него был только один: он не знал меры в спиртном.

Томми женился на лучшей подруге жены дона, Лизе, симпатичной женщине с острым язычком, которая считала своим долгом честить мужа, который не находил в себе никаких изъянов. Словесные перепалки имели неприятные последствия. Трезвым Томми пропускал шпильки жены мимо ушей, пьяным мог отвесить ей оплеуху, чтобы она прикусила язык.

К несчастью, Томми отличала недюжинная сила, поскольку в молодости он не один год проработал на стройплощадках. Ему вообще нравилось ходить в рубашках с короткими рукавами, демонстрируя могучие бицепсы.

Все это тянулось два года. Поначалу Томми хоть немного сдерживался, но со временем стал бить жену в полную силу. И однажды вечером сломал ей нос и вышиб несколько зубов. Потребовалось хирургическое вмешательство, стоившее немалых денег. Женщина не решалась пожаловаться жене дона Априле, понимая, что после этой жалобы она неминуемо станет вдовой, а мужа она, несмотря ни на что, любила.

Сам дон не имел привычки вмешиваться в семейные отношения своих подчиненных. Найти правых и виноватых в таких разборках не представлялось возможным. Если бы Томми убил жену, он бы и ухом не повел. Но постоянные избиения грозили навредить бизнесу. Рассерженная жена могла дать некие показания, сообщить сведения, не предназначавшиеся для чужих ушей. К примеру, о том, что муж держит дома значительные суммы наличными, которые шли на взятки чиновникам, отвечающим за городское строительство.

И дон Априле вызвал мужа на ковер. Очень тактично объяснил ему, что вмешивается в его семейную жизнь только потому, что ситуация может выйти из-под контроля и отразиться на бизнесе. Посоветовал Томми сразу убить жену или развестись с ней, но прекратить побои. Томми заверил его, что такого больше не повторится. Но дон ему не поверил. Он заметил в глазах Томми особый блеск, блеск свободы. По разумению дона Априле, блеск этот был одной из величайших загадок жизни. Он свидетельствовал о том, что человек будет делать то, что считает нужным, невзирая на последствия. Великие люди вступали в союз с ангелами, идя на огромные жертвы. Злые – жаждали утолить свои прихоти, зная, что за это им придется гореть в аду.

Так получилось и с Томми Лиотти. После разговора с доном прошел почти год, и язычок Лизы все сильнее хлестал мужа. В результате, несмотря на предупреждение дона, несмотря на любовь к жене и детям, Томми так жестоко избил Лизу, что она попала в больницу с переломанными ребрами и пневмотораксом.

Используя свои политические связи, Томми огромной взяткой сумел подкупить одного из судей. А потом уговорил жену вернуться к нему.

Дона Априле случившееся разозлило, и он решил, что пора принимать меры. Прежде всего ознакомился с некоторыми практическими аспектами. Достал копию завещания Томми и выяснил, что тот, как и положено хорошему семьянину, оставлял все свое состояние жене и детям. Так что Лизе предстояло

стать богатой вдовой. А потом послал к Томми спецкоманду с особыми инструкциями. Неделю спустя посыльный принес судье длинную коробку, перевязанную лентами, в которой, словно дорогие лайковые перчатки, лежали отрубленные по локоть руки Томми Лиотти, одна с дорогим «Ролексом» на запястье, несколько лет тому назад подаренным доном в знак особого расположения. На следующий день тело нашли в воде неподалеку от моста Верразано[7 - Мост Верразано-Нэрроуз построен в 1959-1964 гг., соединяет районы Нью-Йорка Бруклин и Ричмонд у входа в Нью-Йоркскую гавань. Назван в честь итальянского мореплавателя Джованни ди Верразано, служившего французскому королю Франциску I, который в 1524 г. исследовал Атлантическое побережье Северной Америки и, по некоторым сведениям, открыл Нью-Йоркскую гавань.].

От другой истории по коже пробежал холодок. Такое случается, когда читаешь хороший рассказ о привидениях. Когда дети дона уже учились в частных школах, один молодой и талантливый журналист, сделавший себе имя на неизвестных подробностях жизни знаменитостей, отыскал их всех и втянул во вроде безобидный разговор о всяком и разном. Журналист весьма остроумно высмеял их наивность, школьную форму, юношеский идеализм, стремление сделать мир лучше. Всему этому он противопоставил репутацию их отца, хотя и указал, что дон Априле никогда не признавали виновным в совершении преступления.

Статья получила известность, ею зачитывались в редакциях газет и журналов еще до публикации. О таком успехе мечтал любой журналист. Она нравилась решительно всем.

Журналист любил жить на природе и каждый год с женой и двумя детьми уезжал в охотничий домик, который купил в штате Нью-Йорк. Поохотиться, порыбачить, отдохнуть от цивилизации. В тот год они поехали на длинный уик-энд по случаю Дня благодарения[8 - Национальный праздник США, ежегодно отмечаемый в четвертый четверг октября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 г. после голодной зимы. Впервые отмечался при президенте Дж. Вашингтоне 26 ноября 1789 г. В 1863 г. президент Линкольн объявил его национальным праздником и нерабочим днем.]. В субботу охотничий домик, расположенный в десяти милях от ближайшего города, загорелся. Помощь подоспела лишь через два часа. К этому времени от домика остались головешки, а от журналиста и его близких – обугленные кости. Пресса, конечно же, подняла крик, полиция провела тщательное расследование,

но не обнаружила никаких следов поджога. И вынесла заключение, что погибшие отравились дымом и не смогли выбраться из горящего дома. Дело закрыли.

Но самое интересное началось позже. Через несколько месяцев после трагедии поползли слухи. Анонимы извещали ФБР, полицию, средства массовой информации о том, что пожар стал мстью небезызвестного дона Априле. Пресса, естественно, потребовала провести повторное расследование. Его провели, с тем же результатом. Однако пусть доказательств причастности дона Априле к смерти журналиста и его семьи не нашли, история эта стала еще одним подтверждением жестокости дона.

В данном случае общественное мнение полностью разошлось с мнением властей. Последние нисколько не сомневались, что дон тут ни при чем. Все знали, что мстить журналистам не имеет смысла. Их пришлось бы убивать тысячами, но проку от этого не было бы никакого. И дон слишком умен, чтобы идти на такой риск. Однако история эта не канула в Лету. Некоторые агенты ФБР высказывали предположение, что дон сам способствовал появлению этого слуха. И не давал ему умереть. В назидание новым поколениям писак.

Дона отличала не только жестокость, но и щедрость. Тот, кто служил ему верой и правдой, богател и мог ничего не бояться в этом тревожном мире. Дон щедро награждал, но карал беспощадно. Таким его знали и друзья, и враги.

* * *

После встреч с Портеллой и Силком дон Априле перешел к последнему этапу перехода на заслуженный отдых. Он вызвал в Америку Асторре Виолу, положив конец его одиннадцатилетней ссылке.

Ему требовалась помощь, и он знал, что Асторре в полной мере подготовлен для того, чтобы выполнить стоящие перед ним задания. Дон симпатизировал Асторре, выделяя его среди своих детей. Даже ребенком, не по годам общительный, Асторре всегда был лидером. Он любил дона, но не боялся его, что иной раз случалось с остальными детьми. В десять лет Асторре уже однозначно выражал свою независимость от двадцатилетнего Валерия и восемнадцатилетнего Маркантонио. А когда Валерий, тогда курсант военного училища, попытался задать ему трепку и поставить на место, незамедлительно

дал отпор. Маркантонио относился к племяннику куда как дружелюбнее и купил ему первое банджо, чтобы поощрить его увлечение пением. Асторре принял подарок с достоинством, вежливо поблагодарив, как и положено у взрослых.

Кому Асторре подчинялся, так это Николь. Она была на два года старше, но относилась к нему как к кавалеру, чего он, собственно, и требовал от нее с самого детства. Он безропотно выполнял все ее поручения, она слушала итальянские баллады, которые он ей пел. И била по щекам, когда он пытался ее поцеловать. Ибо с раннего детства Асторре влекла женская красота.

А Николь росла красавицей. Большие темные глаза, чувственный рот, нервное лицо, на котором отражались все эмоции. Она набрасывалась на любого, кто пытался доказать ей, что живет она в мужском мире, где женщина – существо второго сорта и должна знать свое место. Она чуть не плакала из-за того, что физически слабее своих братьев и Асторре, что может добиваться своего не силой, а красотой. Но при этом она не знала страха и цепляла всех, даже своего отца, несмотря на его репутацию.

* * *

После смерти жены, когда дети еще не подросли, у дона Априле вошло в привычку проводить один летний месяц на Сицилии. Он любил размеренную жизнь своей родной деревни, неподалеку от города Монтелепре, там ему принадлежал дом, когда-то загородная резиденция графа, которая называлась Вилла Грация.

После нескольких ежегодных поездок он нанял домоправительницу, сицилийскую вдову, которую звали Катерина. Ее отличала не только красота, но и умение поддерживать в доме безупречный порядок. Крестьяне уважали ее, слуги слушались. Она стала любовницей дона. Но об этом не знали ни дети, ни друзья, хотя ему было сорок лет и у его ног лежал весь мир.

Асторре Виоле исполнилось десять лет, когда он впервые поехал с доном Раймонде Априле на Сицилию. Дона попросили уладить серьезный конфликт между кланами Корлеоне и Клеркуцио. И, естественно, он хотел отдохнуть в тишине и покое Виллы Грация.

Компания десятилетнего Асторре пришлась дону по душе. Мальчик всегда пребывал в прекрасном расположении духа, его симпатичное смуглое личико лучилось счастьем. И постоянно пел, а если не пел, то мог поддержать разговор.

Прежде всего дон разобрался с делами, предложив устроивший всех компромисс и установив хрупкий мир. А уж потом отправился на виллу и наслаждался отдыхом, вспоминая детство, проведенное в этой самой деревушке. Он ел лимоны, апельсины, оливки, вместе с Асторре отправлялся в долгие прогулки под ярким сицилийским солнцем, превращавшим камень домов и скалы в раскаленные сковороды. Он рассказывал маленькому мальчику истории давно умерших Робин Гудов Сицилии, об их борьбе с маврами, французами, испанцами, папой. Естественно, рассказывал он и о местном герое, великом доне Дзено.

В первые же несколько дней Асторре собрал под свое крыло местную ребятню. Дону оставалось только гадать, как ему это удалось, потому что сицилийских мальчишек распирало от гордости и они никого не боялись. Многие из десятилетних херувимчиков уже умели обращаться с lupara, дробовиком, с которым не расставался ни один сицилиец.

Долгие летние вечера дон Априле, Асторре и Катерина проводили под открытым небом в великолепном саду виллы, ели и пили, вдыхая аромат цветущих апельсиновых и лимонных деревьев. Иногда дон приглашал друзей детства поужинать и поиграть в карты. Асторре помогал Катерине подавать напитки.

Катерина и дон не афишировали свои отношения, но в деревне все понимали, и ни один мужчина не пытался ухаживать за ней. В ней видели не просто домоправительницу, но хозяйку дома. Никогда раньше дон Априле так хорошо не отдыхал.

Но за три дня до отъезда случилось невероятное: дона похитили, когда он прогуливался по улицам деревни.

* * *

В соседней провинции Чинези, едва ли не самой бедной на Сицилии, один маленький деревенский клан возглавлял жестокий, не знающий страха бандит по фамилии Фиссолини. В своей деревне он обладал абсолютной властью и

практически не поддерживал связей с другими кланами острова. Он понятия не имел о том, какой властью обладает дон Априле, представить себе не мог, что власть эта может дотянуться и до его забытой богом деревеньки. Он решил похитить дона Априле и получить за него выкуп. Он, конечно, понимал, что нарушает один из неписаных законов: похищая дона Априле, он вторгнулся на территорию другой семьи, но рассудил, что ради такой богатой добычи стоит рискнуть.

Cosca, семья, клан, – базовая ячейка мафии и обычно состоит из кровных родственников. Законопослушные граждане, к примеру, адвокаты или врачи, не рвут, а наоборот, укрепляют связи со своим кланом, потому что он отстаивает их интересы. Каждый клан – замкнутая организационная структура, но он может вступать в союз с более сильным и более влиятельным кланом. Всю совокупность кланов обычно и называют мафией. Но у нее нет единого вожака или командира.

Каждый клан обычно специализируется в определенной сфере на определенной территории. Один контролирует цену воды и препятствует правительству в сооружении дамб, которые могут понизить эту цену. В определенном смысле этот клан рушит государственную монополию на власть. Другой может держать под контролем рынок продовольствия и товаров первой необходимости. В то время самыми могущественными на Сицилии считались cosca Клерикучио из Палермо, этот клан подмял под себя все новое строительство на острове, и cosca Корлеоне из Корлеоне, который контролировал многих римских политиков и обеспечивал транспортировку наркотиков по всему миру. Существовали и такие жадные кланы, которые брали деньги с романтических юношей за право петить под балконами любимых. Все кланы регулировали преступность. Они не терпели тех, кто грабил добропорядочных граждан, честно отдающих своему клану долю дохода. И грабителей, и насильников ждало одно наказание – смерть. И уж, конечно, все кланы не выносили прелюбодеяний. В таких случаях казнили и мужчину, и женщину. Никаких вопросов ни у кого не возникало.

Cosca Фиссолини перебивался с хлеба на воду. Клан этот контролировал продажу святых икон, брал плату с фермеров за охрану стада и похищал потерявших бдительность богачей.

И когда дон Априле и маленький Асторре неспешно шагали по улице деревни, рядом в визге тормозов остановились два армейских грузовика с Фиссолини, не представлявшим себе, на кого он поднял руку, и его людьми.

Десять человек, вооруженные винтовками, окружили дон Априле, схватили, подняли и швырнули в кузов грузовика. Асторре тут же забрался в кузов, чтобы остаться с доном. Бандиты попытались его вышвырнуть, но он крепко ухватился за железную стойку. Через час грузовики подъехали к подножию гор, окружающих Монтелепре. Люди пересели на лошадей и ослов и двинулись в горы. Во время путешествия мальчик смотрел на все широко раскрытыми зелеными глазами, но не произнес ни слова.

Перед самым заходом солнца они добрались до большой пещеры. Поужинали жареной бараниной, домашним хлебом и вином. В пещере под деревянным навесом стояла громадная статуя Девы Марии: несмотря на жестокость, Фиссолини истово верил в бога. Он представился дону и мальчику, едва те принялись за еду. Пленники сразу поняли, что перед ними главарь банды. Невысокого роста, коренастый, как горилла, в руке он держал винтовку, из-за ремня торчали рукоятки двух револьверов. Его грубое лицо словно высекли из сицилийского камня, но в глазах пробегали веселые искорки. Он наслаждался жизнью и теми подарками, которые она дарила ему. А как еще он мог воспринимать сидящего перед ним богатого американца? Однако злобы к американцу Фиссолини не питал.

– Господин мой, – обратился он к дону, – о мальчике можете не беспокоиться. Завтра утром он отнесет в город записку с требованием выкупа.

Асторре ел с жадностью. Такой вкуснятины, как жаренная на костре баранина, пробовать ему еще не доводилось. Но после таких слов он оторвался от еды.

– Я остаюсь с дядей Раймонде.

Фиссолини рассмеялся.

– Хорошая еда придает храбрости. Чтобы выказать вам уважение, я сам поджарил барашка. С травами, которые собирала моя мать.

– Я остаюсь с моим дядей, – отчеканил Асторре.

Дон Априле встретился взглядом с Фиссолини.

– Вечер сегодня удался... еда, горный воздух, ваша компания. Я мечтал побывать в горах. Но я настоятельно советую вам завтра утром отвезти нас в мою деревню.

Фиссолини поклонился ему.

– Я знаю, что вы богаты. Но так ли вы могущественны? Я собираюсь запросить за вас всего лишь сто тысяч американских долларов.

– Я расцениваю это как оскорбление, – ответил дон. – Вы бросите тень на мою репутацию. Удвойте сумму. И накиньте пятьдесят тысяч за мальчика. Вам заплатят. Но потом за вашу жизнь никто не даст и цента. – Он помолчал. – Я удивлен, что вы пошли на такой риск.

Фиссолини вздохнул.

– Господин мой, я – бедняк. Естественно, в моей провинции я могу брать что хочу, но Сицилия – проклятая страна, и здешние богачи слишком бедны, чтобы прокормить таких, как я. Вы должны понимать, что вы – мой единственный шанс разбогатеть.

– Но вы могли прийти ко мне и предложить свои услуги. Для способного человека у меня всегда найдется работа.

– Вы так говорите, потому что сейчас слабы и беззащитны. Слабые всегда щедры. Но я последую вашему совету и удвою сумму выкупа. Хотя меня и будет грызть совесть. Ни одна человеческая жизнь столько не стоит. А мальчика я отпущу за так. К детям я питаю слабость... у меня их четверо, и всех надо кормить.

Дон Априле посмотрел на Асторре.

– Ты пойдешь.

– Нет. – Мальчик поник головой, потом вскинул глаза на дядю. – Я хочу остаться с тобой.

– Тогда разрешите ему остаться, – повернулся дон Априле к бандиту.

Фиссолини покачал головой.

– Он вернется в город. Я тоже должен беречь свою репутацию. Не хочу, чтобы меня считали похитителем детей. И потом, господин мой, при всем моем уважении к вам, мне придется возвращать вас по кускам, если они не заплатят выкуп. Но если заплатят, даю вам слово Пьетро Фиссолини, что с ваших усов не упадет ни один волосок.

– Деньги вам заплатят, – спокойно ответил дон. – А потом... не будем омрачать вечер. Племянник, спой этим господам одну из своих песен.

Асторре пел, бандиты слушали как зачарованные, а потом хвалили его и ерошили волосы. Действительно, такое было для них в диковинку: нежный детский голос, наполняющий горы любовными песнями.

Из пещеры принесли одеяла и спальные мешки.

– Господин мой, – спросил Фиссолини, – что вы хотели бы съесть на завтрак? Может, пойманную поутру рыбу из здешней речки? А на ленч спагетти с телятиной? Только скажите.

– Спасибо, – ответил дон Априле. – Хватит куска сыра и фруктов. Спокойной ночи. – Заметив тоску в глазах Асторре, он погладил мальчика по голове. – Завтра ты будешь спать в своей постели.

Асторре лег рядом с доном и уснул, едва закрыв глаза. Только услышал слова дона: «Держись рядом со мной» – и почувствовал, как дон обнял его.

* * *

Спал Асторре крепко и проснулся от какого-то стука, когда солнце уже вышло из-за гор. Поднялся, увидел, что вокруг полным-полно, никак не меньше пятидесяти, вооруженных людей. Дон Априле, спокойный, уверенный в себе, преисполненный достоинства, сидел на большом валуне и пил кофе из глиняной кружки.

Увидев, что мальчик встал, дон Априле подозвал его взмахом руки.

– Асторре, хочешь кофе? – спросил он, а потом указал на стоявшего перед ним мужчину. – Это мой добрый друг, Бьянко. Он нас спас.

Асторре перевел взгляд на гиганта, который производил куда более грозное впечатление, чем Фиссолини, несмотря на толстое брюхо, костюм, галстук и отсутствие револьверов за поясом и винтовки в руках. Седоволосый, с большими глазами, покрасневшими от бессонной ночи, он в полной мере обладал харизмой правителя. Но, похоже, маскировал принадлежащую ему власть мягким баритоном.

– Дон Априле, прошу извинить меня за то, что я прибыл так поздно и вам пришлось спать на земле, словно простому крестьянину. Но я выехал сразу, как только мне сообщили о случившемся. Я всегда знал, что Фиссолини кретин, но такого от него не ожидал.

Вновь застучал молоток, Асторре повернулся на звук и увидел, что двое молодых парней сколачивают крест. Потом его взгляд ухватил Фиссолини и его десятиртых бандитов. Кого-то связали и бросили на землю. Других привязали к деревьям. Они напоминали стаю мух, облепивших кусок мяса.

– Дон Априле, кого из этих мерзавцев вы желаете судить первым?

– Фиссолини, – ответил дон. – Он – главарь.

Бьянко подтащил Фиссолини к дону. Его спеленали по рукам и ногам, так что он чем-то напоминал мумию. Бьянко и один из его людей поставили Фиссолини на ноги.

– Фиссолини, нельзя же быть таким идиотом, – Бьянко покачал головой. – Неужели так сложно сообразить, что дон Априле находится под моей защитой, ибо в противном случае я бы похитил его сам? Или ты думал, что берешь займы бутылку масла? Или уксуса? Я когда-нибудь заходил на твою территорию? Но ты всегда был упрям, и я знал, что до добра это не доведет. Ладно, поскольку тебе предстоит висеть на этом кресте, как Иисусу, извиняйся перед доном Априле и его маленьким мальчиком. А потом я проявлю милосердие и пристрелю тебя,

перед тем как прибить тебя к кресту.

– Ну, – дон пристально смотрел на Фиссолини. – Объясни, чем вызвано проявленное тобой неуважение.

Фиссолини гордо выпрямился.

– У меня и в мыслях не было проявить неуважение лично к вам, господин мой. Я не знал, что вы – человек влиятельный и у вас такие могущественные друзья. Этот дурак Бьянко мог бы заранее ввести меня в курс дела. Господин мой, я допустил ошибку и должен за это заплатить. – Он замолчал, а потом повернул голову к Бьянко и заорал на него: – Пусть твои люди перестанут забивать гвозди! Я от этого шума оглохну. Ты не сможешь запугать меня до смерти перед тем, как убьешь!

Фиссолини вновь посмотрел на дона.

– Накажите меня, но помилуйте моих людей.

Они выполняли мои приказы. У них семьи. Вы погубите целую деревню, если убьете их.

– Они же мужчины, которые должны отвечать за свои действия, – с нотками сарказма в голосе ответил дон. – Я оскорблю их, если они не разделят твою судьбу.

Вот тут Асторре своим детским умом осознал, что речь идет о жизни и смерти.

– Дядя, отпусти его, – прошептал он.

Дон не подал вида, что слышал его.

– Продолжай, – бросил он Фиссолини.

– Я не собираюсь вымаливать у вас свою жизнь. Но эти десять человек – мои ближайшие родственники, моя семья. Если вы убьете их, погибнут их жены и дети. Трое из них – мои зятья. Они полностью мне доверяли. Выполняли любой

мой приказ. Если вы позволите им уйти, перед смертью я заставлю их принести вам клятву верности. И они мне повинуются. Иметь десять верных друзей не так уж и плохо. Мне сказали, что вы великий человек, но люди действительно становятся великими, когда способны проявить милосердие. Разумеется, это не должно войти в привычку, но один раз никому не повредит, – и он улыбнулся Асторре.

Дон Раймонде Априле не в первый раз оказывался в подобной ситуации, так что о решении своем он знал заранее. Он не верил в чувство благодарности, наоборот, пребывал в твердом убеждении, что научить человека чему-либо может только смерть. А потому бесстрастно посмотрел на Фиссолини и покачал головой. Бьянко шагнул к бандиту.

Но тут Асторре дернул дону за рукав, поймал его взгляд. Он все понял. И решил защитить Фиссолини.

– Он не собирался причинить нам вред. Он лишь хотел получить наши деньги.

Дон улыбнулся.

– Разве этого мало?

– Но у него были на то причины. Ему нужны деньги, чтобы кормить семью. И мне он нравится. Пожалуйста, дядя.

Дон вновь улыбнулся.

– Bravo, – изрек он и надолго замолчал, не замечая Асторре, дергающего его за рукав. Впервые за много лет у дону возникло желание проявить милосердие.

Люди Бьянко курили маленькие сигары, очень крепкие, и легкий утренний ветерок уносил дым. Один из них подошел к дону, предложил сигару. Асторре понял, что это не просто вежливость, а знак уважения. Дон взял сигару, мужчина чиркнул спичкой, сложил ладони корабликом, чтобы дон мог раскурить сигару. Дон выпустил струю дыма и лишь потом заговорил.

– Я не стану оскорблять тебя проявлением милосердия. Но я сделаю тебе деловое предложение. Я признаю, что ты не угрожал мне лично, более того, с должным уважением принимал меня и мальчика. Предложение следующее. Ты живешь. Твои люди живут. Но до конца ваших жизней вы служите мне верой и правдой.

Безмерное облегчение охватило Асторре, и он улыбнулся Фиссолини. А тот опустился на колени и поцеловал руку дона. Асторре заметил, что вооруженные люди усиленно задымили сигарами, и даже на глаза Бьянко, твердого, как скала, навернулись слезы.

– Благослови вас бог, господин мой, – прошептал Фиссолини.

Дон положил сигару на камень.

– Я принимаю твое благословение, но ты должен понимать, чего я от тебя жду. Бьянко пришел, чтобы спасти меня, и от тебя потребуется то же самое. Каждый год я выплачиваю ему определенную сумму, теперь получать деньги будешь и ты. Но предательства я не потерплю. Если ты меня подведешь, будут уничтожены не только ты, но и вся твоя семья. Твоя жена, дети, племянники, зятья.

Фиссолини поднялся с колен. Обнял дона и заплакал.

Тот день словно связал дона и его племянника в единое целое. Дон любил мальчика за то, что тот убедил его проявить милосердие, Асторре – дядю, который подарил ему жизни Фиссолини и его людей. И связь эта со временем только крепла.

* * *

В их последний вечер на Вилле Грация дон Априле пил кофе в саду, а Асторре, на удивление печальный, ел оливки.

– Тебе не хочется покидать Сицилию? – спросил дон.

– Мне хотелось бы жить здесь, – мальчик положил косточки оливок в карман.

– Мы будем приезжать сюда каждое лето, – пообещал ему дон.

Асторре взглянул на него, как на мудрого давнего друга, и на юном лице отразилась тревога.

– Катерина – твоя девчонка?

Дон рассмеялся.

– Она – моя очень хорошая подруга.

Асторре обдумал его ответ.

– Мои двоюродные братья и сестра знают о ней?

– Нет, мои дети о ней не знают, – дон с любопытством смотрел на мальчика, гадая, что за этим последует.

Лицо Асторре стало очень серьезным.

– Мои двоюродные братья и сестра знают, что у тебя есть такие могущественные друзья, как Бьянко, которые сделают все, о чем ты их попросишь?

– Нет.

– Тогда я им ничего не расскажу. Даже о похищении.

Дон почувствовал прилив гордости. Омерта была у мальчика в крови.

Поздно вечером Асторре ушел в дальний конец сада. Руками вырыл в земле ямку. Положил в нее косточки от оливок. Поднял глаза к усыпанному звездами ночному небу Сицилии и представил себя глубоким стариком, таким вот, как его дядя, сидящим в этом саду теплой ночью и наблюдающим, как растут его оливковые деревья.

* * *

После похищения дон уже не сомневался, что будущее мальчика предопределено судьбой. Он и Асторре каждый год ездили на Сицилию, пока Асторре не исполнилось шестнадцать. К тому времени у дон пусть смутно, но уже сформировались мысли о том, какую роль сыграет мальчик в его семье.

Но планы, которые дон строил в отношении Асторре, пришлось реализовывать гораздо раньше, чем он предполагал. Кризис вызвала его дочь. В восемнадцать лет Николь влюбилась в Асторре, который был моложе ее на два года, и не пыталась этого скрывать. Юноша не пытался сопротивляться. Со всей страстью молодости они бросились друг другу в объятия.

Дона это совершенно не устраивало, но, как генерал, стремящийся выиграть сражение с наименьшими потерями, он не подал и виду, что знает о бурном романе.

Зато как-то вечером вызвал Асторре в свой кабинет и сказал, что тот отправляется в Англию учиться и изучать банковское дело под руководством некоего мистера Прайора из Лондона. Никаких других причин дон не назвал, зная, что мальчик и сам сообразит, что его отправляют в Европу, чтобы положить конец роману с Николь. Но он и представить себе не мог, что она подслушивает за дверью. Естественно, она ворвалась в кабинет. Еще более прекрасная в безрассудной ярости.

– Ты никуда его не пошлешь! – бушевала она. – Мы убежим вместе.

Дон улыбнулся.

– Вам обоим надо закончить школу.

Николь повернулась к покрасневшему от смущения Асторре.

– Асторре, ты не уедешь? Правда?

Юноша не ответил, и Николь разрыдалась.

Любого отца такая сцена тронула бы до глубины души, дон она разве что позабавила. Он видел, что дочь его – истинная мафиозо, а потому особо не волновался о последствиях. Как бы то ни было, потом она несколько недель не разговаривала с отцом и запиралась в своей комнате. Но дон знал, что разбитым навеки сердце его дочери не останется.

Еще больше занимал его Асторре, угодивший в ловушку, которой не удастся миновать юношам, вступающим в пору зрелости. Конечно же, Асторре любил Николь. А ее страсть и любовь возвышали его в собственных глазах. Любой молодой человек не устоял бы перед чарами Николь. Но дон понимал и другое: Асторре требовался предлог, чтобы освободиться от обязательств, которые могли помешать достижению поставленной цели. Дон улыбался. С инстинктами у парня был полный порядок, то есть пришла пора настоящей учебы.

* * *

И теперь, через три года после ухода на заслуженный отдых, дон Раймонде Априле ощущал себя в полной безопасности и испытывал чувство глубокой удовлетворенности, свойственное человеку, который на всех жизненных развилках делал правильный выбор. Даже с детьми у него начали устанавливаться более теплые отношения. На исходе жизни у него появилась возможность вкушать плоды отцовства.

Поскольку большую часть последних двадцати лет Валерий провел на заграничных военных базах, особой близости с отцом у него не было. После того как его перевели в Уэст-Пойнт, они стали видеться гораздо чаще и разговаривать более открыто. Но обоим сближение давалось с трудом.

С Маркантонио все было иначе. У донна и его второго сына сразу установилось полное взаимопонимание. Маркантонио рассказывал, чем он занимается на телевидении, объяснял особенности драматургии телевизионных передач, свои обязанности перед зрителями, рассуждал о том, как телевидение, по его разумению, может улучшить мир, в котором они живут. Люди, формирующие общественное мнение, казались дону персонажами из сказок. Они его просто зачаровывали.

На семейных обедах Маркантонио и его отец частенько спорили, но по-дружески, к вящему удовольствию остальных. Как-то дон сказал Маркантонио:

– В жизни я никогда не видел таких хороших или таких плохих людей, как персонажи твоих постановок.

– Зато в их существование верят наши зрители, – отпарировал Маркантонио. – И мы должны оправдывать их ожидания.

На другом семейном обеде Валерий попытался объяснить дону, что послужило причиной войны в Персидском заливе, которая не только защитила экономические интересы Америки и права свободолюбивого народа Кувейта, но и стала поистине золотым дном (если говорить о рейтингах) для телевещательной компании, в которой работал Маркантонио. На все объяснения дон лишь пожимал плечами. Международные конфликты особо его не интересовали.

– Скажи мне, каким образом та или иная страна выигрывает войну? – спросил он Валерия. – Какой фактор является решающим?

Валерий задумался.

– Имеет значение уровень подготовки армии, талант генералов. Немаловажен исход решающих сражений, как выигранных, так и проигранных. Когда я работал в разведывательной службе, мы проводили достаточно глубокий анализ. И пришли к следующему выводу: войну выигрывает страна, которая производит больше стали.

Дон кивнул, вполне удовлетворенный ответом.

Но самые теплые отношения сложились у него с Николь. Он гордился ее достижениями, красотой, взрывным характером, умом. И действительно, к тридцати двум годам она стала влиятельным адвокатом, приобрела обширные политические связи и никого и ничего не боялась.

Дон тайком помогал дочери: адвокатская фирма, в которой она работала, немало ему задолжала. А вот братья держались с ней настороженно. По двум причинам. Во-первых, она так и не вышла замуж, во-вторых, слишком уж увлекалась общественной работой. Несмотря на восхищение успехами дочери, дон не воспринимал ее всерьез. Она, в конце концов, была женщиной. Не

нравились ему и мужчины, на которых она останавливала свой выбор.

На семейных обедах отец и дочь цапались постоянно, как две большие кошки, иной раз чуть ли не набрасывались друг на друга. В одном вопросе они просто не могли найти общего языка, придерживаясь противоположных позиций. Человеческую жизнь Николь полагала священной, смертная казнь вызывала у нее отвращение. Она организовала и возглавила Движение за отмену смертной казни.

– Почему? – спрашивал ее дон.

И Николь вспыхивала как спичка. Потому что она верила, что смертная казнь приведет к гибели человечества. Оправдание убийства, совершаемого при определенном наборе условий, могло вести к его оправданию при другом наборе, и так далее. А потому не способствовало эволюции и развитию цивилизации. Убеждения Николь приводили и к ее постоянным конфликтам с Валерием. Для чего, собственно, создается армия, как не для убийств? Причины Николь не интересовали. Убийство всегда оставалось убийством и вело к людоедству, а то и к еще худшим последствиям. При каждой возможности Николь участвовала в судебных процессах, везде и всюду защищая приговоренных к смертной казни. И хотя дон полагал это совершеннейшей чепухой и пустой тратой времени, на семейном обеде он поднял тост за ее победу на судебном процессе, в котором она участвовала на общественных началах, не получив ни цента вознаграждения. Ей удалось уберечь от смерти одного из самых знаменитых преступников последнего десятилетия, который убил своего лучшего друга и в извращенной форме изнасиловал вдову. Убегая, он убил и ограбил двух человек, работавших на бензоколонке. Потом успел изнасиловать и убить двенадцатилетнюю девочку. Черода преступлений оборвалась попыткой убить двух полицейских-патрульных. Николь удалось убедить присяжных в безумии своего подзащитного, и решением суда его отправили в закрытую психиатрическую клинику для преступников.

На следующем семейном обеде Николь вновь поздравляли с победой, в этот раз на разбирательстве в коллегии адвокатов. В недавнем судебном процессе она буквально прошла по острию ножа. Процесс выиграла, но предстала перед коллегией адвокатов по обвинению в нарушении профессиональной этики, однако коллегия ее оправдала. И теперь она светилась от счастья.

Дон, также пребывавший в прекрасном настроении, проявил к этому делу нехарактерный для него интерес. Он поздравил дочь с решением коллегии адвокатов, высказавшейся в ее пользу, но признался, что не очень понимает (или прикинулся, что не понимает), на чем основано обвинение в нарушении этики. Николь ему все подробно объяснила.

Она защищала тридцатилетнего мужчину, который изнасиловал и убил двенадцатилетнюю девочку, а потом так запрятал тело, что полиция не смогла его найти. Косвенные улики были очень серьезными, но при отсутствии трупа присяжные и судья едва ли приговорили бы обвиняемого к смертной казни. И родители жертвы многое отдали бы за то, чтобы достойным образом похоронить дочь.

Убийца признался Николь, своему адвокату, где спрятано тело, и уполномочил ее предложить обвинению сделку: выдача тела в обмен на пожизненное заключение. Однако, когда Николь начала переговоры с прокурором, тот пригрозил, что подаст на нее в суд, если она немедленно не сообщит, где находится тело девочки. Николь же стояла на том, что общество обязано охранять конфиденциальность отношений адвоката и клиента. Прокурор получил отказ, а известный судья заявил, что она вправе так поступать.

И прокурор после консультаций с родителями жертвы в конце концов согласился на сделку.

Убийца рассказал, что он расчленил тело, положил в ящик со льдом, который и закопал в одном из болот Нью-Джерси. Тело нашли, убийца получил пожизненный срок. А после процесса она предстала перед коллегией адвокатов. И сегодня с нее окончательно сняли обвинения в нарушении профессиональной этики.

Дон выпил за всех своих детей, а потом спросил Николь:

– Так ты считаешь, что вины за тобой нет?

Николь кивнула, лицо ее стало серьезным.

– Это же принципиальный момент. Каким бы серьезным ни был повод, мы не имеем права нарушить конфиденциальность отношений адвокат – клиент. Иначе

они рухнут, как карточный домик. А вместе с тем и наша система судопроизводства.

– И ты не испытывала жалости к матери и отцу жертвы? – спросил дон.

– Разумеется, я их жалела, – раздраженно ответила Николь. – Но как я могла нарушить основополагающий принцип нашего законодательства? Я за это и пострадала, не так ли? Но ради торжества закона иной раз приходится идти на жертвы.

– Однако коллегия адвокатов сочла необходимым вызвать тебя на ковер.

– Чтобы спасти лицо. Это политический маневр. Обычные люди, не сведущие в тонкостях юриспруденции, не могут принять эти принципы, вот и поднялся шум. Но теперь все улеглось. Одному очень известному судье пришлось выступить в прессе и объяснить, что по Конституции я имела полное право сохранить эту информацию в тайне.

– Bravo! – воскликнул дон. – В законе сюрпризов не счесть. Но, разумеется, только для адвокатов.

– Совершенно верно, – кивнула Николь. – Наша система судопроизводства исходит из возможности заключения сделки между обвинением и защитой. Да, в этом случае преступник получает меньшее наказание, чем то, которое заслуживает. Но в этом есть и положительная сторона. Прощение лечит. И в долгосрочной перспективе те, кто совершает преступления против общества, получают шанс исправиться и стать его добропорядочными членами.

Когда дон заговорил, в его голосе звучали нотки сарказма.

– Но скажи мне, неужели ты хоть минуту верила, что этот человек невиновен в силу своего безумия? В конце концов, действовал он по своей воле.

Валерий не отрывал от Николь холодного взгляда. Ему уже перевалило за сорок, выправка у него оставалась армейская, но короткие усы заметно поседели. Будучи офицером разведки, ему приходилось принимать решения, не укладывающиеся в общепринятые нормы морали. Его интересовала логика

Николь.

Маркантонио в большей степени, чем Валерий, понимал сестру. Для него не составляло тайны, что в своих устремлениях она подсознательно пыталась хоть частично компенсировать ущерб, причиненный обществу ее отцом. И его тревожило, как бы в порыве гнева с ее губ не сорвались слова, которые отец ей бы не простил.

Что же касалось Асторре, то Николь просто ослепляла его... Эти сверкающие глаза, эта взрывная энергия, с которой она реагировала на подзу-живание отца. Он помнил их страстные объятия и чувствовал, что ее по-прежнему тянет к нему. Но он изменился, в нем ничего не осталось от юношеской пылкости. Вроде бы понимала это и Николь. Он часто задавался вопросом, знали ли ее братья об их давнишнем романе. И волновался о том, что ссора может разрушить семейные узы. Он же очень любил эту семью, его единственное прибежище. Он надеялся, что Николь не пойдет слишком далеко. Но симпатии к ее взглядам он не испытывал. Жизнь на Сицилии многому его научила. Его лишь удивляло, что двое самых дорогих ему людей столь по-разному воспринимали окружающий их мир. И он подумал, что никогда не взял бы сторону Николь против ее отца, будь она хоть тысячу раз права.

Николь смело встретила с отцом взглядом.

– Я не верю, что он действовал по своей воле. Его вынудили к тому, что он совершил, обстоятельства его жизни: неадекватное восприятие реальности, наследственные черты, биохимические процессы в крови, пренебрежение лекарствами. Он был безумен. Конечно же, я в это верю.

Дон на мгновение задумался.

– Скажи мне, если бы он признался тебе, что все это он выдумал, что с психикой у него полный порядок, ты бы все равно пыталась спасти ему жизнь?

– Да, – кивнула Николь. – Жизнь каждого человека священна. Государство не имеет права отнимать ее.

Дон насмешливо улыбнулся.

– В тебе говорит твоя итальянская кровь. Ты знаешь, что в современной Италии никогда не было смертной казни? Там все человеческие жизни священны. – От его сарказма братьев и Асторре передернуло, но Николь и бровью не повела.

– Только варварское государство может совершать преднамеренное убийство, прикрываясь ширмой закона. Я думаю, в этом вы все согласитесь со мной. – Николь рассмеялась, потом добавила, вновь став серьезной: – У нас есть альтернатива. Преступник проведет остаток жизни в психиатрической клинике или тюрьме, без надежды на освобождение. Он больше не будет представлять опасность для общества.

Дон холодно смотрел на нее.

– Давай не будем все мешать в кучу. Лично я одобряю право государства лишать человека жизни. Что же касается пожизненного заключения без досрочного освобождения, то это, извини, выдумки. Пройдет двадцать лет, и что-то да изменится. То ли найдут новые улики, то ли решат, что преступник полностью исправился, стал другим человеком и имеет право пользоваться всеми благами общества. О его жертвах давно позабудут, и он выйдет на свободу. И никому не будет дела...

Николь нахмурилась.

– Папа, я не хочу сказать, что о жертвах надо забыть. Но, отняв у преступника жизнь, мы не оживим его жертву. И чем дольше мы будем потакать убийствам, при любых обстоятельствах, тем дольше люди будут убивать.

Дон отпил вина, посмотрел на двух сыновей и Асторре.

– Предлагаю вернуться на грешную землю.

Он повернулся и заговорил с редкой для него страстностью: – Ты говоришь, что человеческая жизнь священна? На основании каких улик? Где прецеденты? В войнах, унесших жизни миллионов, повинны все государства и религии. В любой исторический период врагов истребляли тысячами, в политическом противостоянии или при столкновении экономических интересов. А сколь часто возможность заработать деньги ставилась выше святости человеческой жизни? И ты сама предаешь забвению человеческую жизнь, когда стремишься снять

своего клиента с крючка.

Темные глаза Николь сверкнули.

– Я не предаю ее забвению. Я не прощаю ему смерть. Я думаю, это варварство. Я лишь стараюсь предотвратить новые смерти.

Теперь дон заговорил спокойнее, но очень искренне:

– А главное, что жертва, дорогой тебе человек, лежит в земле. Он изгнан из этого мира. Мы никогда не увидим его лицо, не услышим голос, не прикоснемся к его коже. Он – во тьме, потерянный для нас и для всех.

Все, затаив дыхание, ждали, пока дон сделает еще глоток вина.

– А теперь, дорогая Николь, послушай меня. Твой клиент, убийца, приговаривается к пожизненному заключению. Он останется за решеткой до конца своих дней. Твои слова. Но каждое утро он будет видеть восход солнца, есть, слушать музыку, кровь будет бежать в его венах, он будет интересоваться происходящим в мире. Его близкие по-прежнему смогут обнять его. Как я понимаю, он сможет даже читать книги, обретать знания, его научат мастерить столы и стулья. Короче, он будет жить. И это несправедливо.

Но Николь дону убедить не удалось, она твердо стояла на своем.

– Папа, чтобы приручить дикое животное, ему не дают есть сырое мясо. Не дают, потому что, получив один кусок, оно будет ждать второго. Чем больше мы убиваем, тем легче дается нам каждое новое убийство. Неужели ты этого не видишь? – Дон не ответил, поэтому Николь продолжила: – И как ты можешь решать, что справедливо, а что – нет? Где ты проводишь эту черту? – Вроде бы она оспаривала его точку зрения, но на самом деле молила избавить ее от сомнений, которые все эти годы не давали ей покоя, просила хоть немного приоткрыть завесу над его истинной жизнью.

Все ожидали от дона вспышки ярости, но он неожиданно улыбнулся.

– Я, конечно, не лишен слабостей, но никогда не позволяю ребенку судить его или ее родителей. Тут от детей прока нет, и живут они лишь благодаря нашему терпению. И я считаю, что как отца упрекнуть меня не в чем. Я воспитал троих детей, которые ныне – столпы общества, талантливые, добропорядочные, добившиеся немалых успехов. И не такие уж беззащитные перед ударами судьбы. Можете вы меня в чем-нибудь упрекнуть?

Погасла и ярость Николь.

– Нет, – ответила она. – Как к отцу к тебе нет никаких претензий. Но ты кое-что оставляешь за кадром. Вешают тех, у кого нет за душой ни гроша. Богатым обычно удается избежать смертной казни.

Дон пристально посмотрел на Николь.

– Тогда почему ты не стремишься так изменить закон, чтобы богатых вешали наравне с бедными? Это куда как более разумно.

– Тогда нас останется очень мало, – с улыбкой пробурчал Асторре. И окончательно снял напряжение.

– Милосердие – величайшая добродетель человечества, – добавила Николь. – Просвещенное общество не казнит человеческое существо и воздерживается от наказания, насколько это позволяют здравый смысл и чувство справедливости.

Вот тут дон вышел из себя.

– Откуда у тебя взялись такие идеи? Они не просто трусливы и потакают человеческим слабостям, они кощунственны. Кто может сравниться в безжалостности с богом? Он не прощает, он не освобождает от наказания. По его указу созданы рай и ад. Он не избавляет мир от горя и печалей. Проявлять милосердие – это его прерогатива. Так почему ты присваиваешь себе это божественное право? Это гордыня. Или ты думаешь, что сможешь создать лучший мир, потому что ты такая святая? Помни, святые могут только шептать молитвы на ухо богу, и такая возможность появляется у них лишь после мученического конца. Нет. Наш долг – разбираться с себе подобными. И с совершенными ими преступлениями. Мы сами вручаем наш мир дьяволу.

Николь аж задохнулась от злости, Валерий и Маркантонио улыбнулись. Асторре наклонил голову, словно в молитве.

Наконец к Николь вернулся дар речи.

– Папа, для моралиста ты слишком жесток. И уж, конечно, не пример для подражания.

За столом воцарилось долгое молчание. Все раздумывали над своими достаточно сложными отношениями с доном. Николь никогда не верила историям, которые про него рассказывали, но боялась, что они окажутся правдой. Маркантонио вспомнил, как один из коллег застенчиво спросил его: «А как твой отец относился к тебе и другим детям?»

И Маркантонио, обдумав вопрос, зная, что коллега намекает на репутацию его отца, ответил очень даже серьезно: «Мой отец всегда был с нами предельно вежлив».

Валерий думал о том, сколь похож его отец на генералов, под началом которых он служил. Эти люди не терзались сомнениями насчет моральных принципов, а просто выполняли порученное им дело. И намеченные ими удары всегда достигали цели.

Асторре и здесь находился в особом положении. Он был единственным, кто знал, что репутация дона полностью соответствует действительности. Он помнил их разговор три года тому назад, когда он вернулся из ссылки. И получил от дона очень конкретные инструкции.

Дон сказал ему: «В моем возрасте человек может умереть, защебив палец дверью, или от черной родинки на спине, или от аритмии сердца. Странно, но люди так редко задумываются о том, что они смертны. Чтобы умереть, совсем не обязательно иметь врагов. Но человек все равно должен заглядывать в будущее, планировать его. После моей смерти мои банки отойдут тебе. Ты будешь контролировать их и делиться прибылью с моими детьми. Учти, что есть группы заинтересованных лиц, которые хотят выкупить мои банки, одну из них возглавляет генеральный консул Перу. Федеральные ведомства продолжают расследовать мою деятельность на основе закона РИКО, чтобы наложить лапу на мои банки. Пусть расследуют. Они ничего не найдут. Теперь насчет инструкций.

Ни при каких обстоятельствах не продавай банки. Со временем они наберут мощь и будут приносить еще большую прибыль. А прошлое забудется.

Если случится что-то непредвиденное, вызови мистера Прайора, пусть помогает тебе как главный бухгалтер. Ты хорошо его знаешь. В банковском деле для него нет тайн, и он тоже получает долю прибыли, которую приносят банки. К тому же он присягнул мне на верность. Я познакомлю тебя с Бенито Кракси из Чикаго. Он очень влиятельный человек и также имеет долю прибыли. Ему можно полностью доверять. Пока я поручу тебе импорт макарон, который приносит неплохие деньги. На жизнь тебе их хватит с лихвой. А после моей смерти защита моих детей ляжет на тебя. Это жестокий мир, а я воспитал их слишком наивными».

Тремя годами позже Асторре все еще размышлял над словами дон. Время шло, и он уже склонялся к мысли, что услуги его так и останутся невостребованными. Мир, созданный доном, казался неуязвимым...

Но Николь выложила еще не все аргументы.

– Но ведь проявлять милосердие благородно, не так ли? – спросила она отца. – Ты знаешь, что проповедуют по этому поводу католические священники?

Дон ответил без запинки:

– Милосердие – это грех, притворство, будто обладаешь силами, которых нет. Проявляющий милосердие наносит жертве оскорбление, которому нет и не может быть прощения. На земле от нас этого никто не требует.

– Значит, ты не хотел бы, чтобы к тебе проявили милосердие? – спросила Николь.

– Никогда, – отчеканил дон. – Я не ищу милосердия и не желаю, чтобы оно мне оказывалось. При необходимости я готов принять наказание за мои грехи.

На том же обеде полковник Валерий Априле пригласил всех на конфирмацию своего двенадцатилетнего сына, до которой оставалось два месяца. Его жена настояла, чтобы это событие состоялось в Нью-Йорке, в церкви, которую не одно десятилетие посещала ее семья. Дон, вступивший в новые взаимоотношения с обществом, приглашение принял.

* * *

В холодный воскресный декабрьский полдень семья Априле вошла в собор Святого Патрика на Пятой авеню, залитый лучами лимонно-желтого зимнего солнца. Дон Раймонде Априле, Валерий и его жена, Маркантонио, надеявшийся, что ему удастся быстренько удрать, Николь, вся в черном, этот цвет очень уж ей шел, наблюдали, как сам кардинал в красной шапочке, пригубливая вино, давал причастие и совершал церемониальную божественную пощечину.

Счастье и нежность читались на лицах тех, кто смотрел на перешагивающих порог зрелости мальчиков и девочек в белых мантиях с красными поясами, которые торжественно шествовали по проходам кафедрального собора под внимательными взглядами каменных ангелов и святых, подтверждая, что они будут служить богу до конца своих дней. На глаза Николь навернулись слезы, хотя она и не верила ни единому слову, произнесенному кардиналом. В душе ей хотелось смеяться над ними.

На ступенях, ведущих к собору, дети сняли мантии, оставшись в праздничных нарядах. Девочки – в платьях из белого кружева, мальчики – в темных костюмах, ослепительно белых рубашках и традиционных красных галстуках, призванных отгонять дьявола.

Дон Априле вышел из собора. По одну его руку стоял Асторре, по другую – Маркантонио. Дети собрались в кружок. Фотограф заснял Валерия и его жену, гордо державшую в руках мантию сына. Дон Априле начал спускаться по лестнице. Один. Глубоко вдохнул морозный воздух. Настроение у него было под стать этому чудесному дню. И когда внук подбежал, чтобы обнять дону, он с любовью потрепал его по голове и положил на ладонь ребенка большую золотую монету – традиционный подарок в день конфирмации. А затем достал из кармана пригоршню маленьких золотых монет, чтобы раздать их другим мальчикам и девочкам. Их крики радости, сам город с высокими, сложенными из серого камня домами, умиротворяли его душу. Дон стоял в полном одиночестве, даже от Асторре его отделяли несколько ступенек. А когда посмотрел вниз, увидел огромный черный лимузин, медленно подкатывающий к собору словно для того, чтобы увезти его в далекое далеко.

* * *

В Брайтуотерсе в то воскресное утро Хескоу встал пораньше, сходил за свежим хлебом и газетами. Украденный автомобиль стоял в гараже – огромный черный седан, в кабине которого уже лежали оружие, маски и патроны. Джон проверил давление в шинах, количество бензина в баке, уровень масла, тормоза. Все было в норме. Вернулся в дом, чтобы разбудить Фрэнки и Стейса, но они, естественно, уже поднялись, а Стейс даже сварил кофе.

Завтракали они молча, читая воскресные газеты. Фрэнки особо интересовали результаты игр студенческого первенства по баскетболу.

В десять часов Стейс спросил:

– Машина готова?

– На все сто, – ответил Хескоу.

Они загрузились в автомобиль и поехали в город. Фрэнки сидел впереди, рядом с Хескоу, Стейс – на заднем сиденье. Дорога занимала час, еще один предстояло убить. Временной фактор имел первостепенное значение.

Уже в кабине Фрэнки проверил оружие. Стейс надел одну из масок, белый прямоугольник на пришитых к боковым торцам резинках, приспособленную для того, чтобы до самого последнего момента болтаться на шее.

В город они ехали, слушая по радио оперу. Хескоу вел автомобиль на одной скорости, не тормозя и не разгоняясь. Выдерживая безопасную дистанцию от тех, кто ехал впереди и сзади. Стейс пробурчал что-то одобрителное, выказав тем самым внутреннее напряжение. Естественно, они немного нервничали, но страха совершенно не испытывали. Они знали, что должны показать все, на что способны. Потому что промахнуться не имели права.

По городу Хескоу буквально полз, останавливаясь едва ли не на каждом светофоре. Наконец они свернули на Пятую авеню, и Хескоу припарковал автомобиль в половине квартала от высоких дверей кафедрального собора. Зазвонили церковные колокола, эхо гулко отражалось от окрестных небоскребов. Хескоу вновь завел мотор. Трое мужчин наблюдали за детьми, высыпавшими на лестницу перед собором. Это их тревожило.

– Фрэнки, стреляй поверху, – прошептал Стейс.

И тут они увидели, как дон вышел из собора в сопровождении двоих мужчин, а потом чуть опередил их, в одиночестве спускаясь по ступеням. Казалось, он смотрел прямо на них.

– Маски, – бросил Хескоу. Двинул автомобиль с места, и Фрэнки положил правую руку на дверную ручку. Левая сжимала «узи». Он весь подобрался, готовый выпрыгнуть на тротуар.

Автомобиль прибавил скорости и остановился аккуратно перед собором, когда дон достиг последней ступеньки. Стейс выпрыгнул из кабины на мостовую, автомобиль разделял его и жертву. Мгновением позже торец рукоятки упирался в крышу. Саму рукоятку Стейс сжимал обеими руками. На спусковой крючок он нажал дважды.

Первая пуля угодила дону в лоб. Вторая разорвала шею. Кровь хлынула на тротуар, марая желтый солнечный свет красными пятнами.

В то же мгновение Фрэнки, уже стоявший на тротуаре, дал длинную очередь из «узи» поверх голов.

Мужчины тут же запрыгнули в автомобиль, и Хескоу бросил его вперед. Несколько минут спустя они уже мчались в тоннеле, потом прямоком поехали в маленький аэропорт, где близнецы поднялись на борт частного самолета и отбыли в Калифорнию.

* * *

При первом выстреле Валерий сгреб в охапку жену и сына и повалил на ступени, прикрыв своим телом. Он практически ничего не видел. Так же, как и Николь, в изумлении смотревшая только на отца. Маркантонио просто не верил своим глазам. Действительность слишком уж резко отличалась от телефильма. Пуля, попавшая в лоб дону, развалила его череп, словно дыню, и в зазоре виднелся окровавленный мозг. Вторая пуля разворотила всю шею. Дон лежал на тротуаре в огромной луже крови. Казалось невероятным, что столько крови могло вылиться из одного человеческого тела. Маркантонио заметил двоих мужчин в

белых масках на лицах, с оружием в руках, но не мог ничего сказать ни об их одежде, ни о цвете волос. Его парализовал шок. Он не знал, белые они были или черные, в одежде или без оной. Он ничего не мог сказать даже про их рост, то ли они были десятифутовыми гигантами, то ли двухфутовыми карликами.

А вот у Асторре все чувства обострились, как только черный седан остановился у кафедрального собора. Он видел, как Стейс стрелял из пистолета, и ему показалось, что тот нажимал на курок левой рукой. Он видел, как Фрэнки стрелял из «узи», и насчет того, что тот левша, сомнений у него не осталось. Он даже сумел, пусть и мельком, разглядеть водителя, широкоплечего здоровяка с круглой головой. Оба киллера двигались с кошачьей грацией отлично натренированных атлетов. Падая на тротуар, Асторре попытался потянуть дону за собой, но опоздал на доли секунды. И его окатила кровь донна.

Потом он увидел разбегающихся, вопящих от ужаса детей. Огромное красное пятно на асфальте, лежащего донна. И разом почувствовал ту ношу, которая теперь легла на его плечи, ту угрозу, которая нависла над его жизнью и жизнями самых близких ему людей.

Николь спустилась по лестнице, упала на колени, протянула руку к окровавленной, развороченной пулей шее донна. И разрыдалась.

Глава 3

Убийство донна Раймонде Априле произвело огромное впечатление на его прежних друзей и врагов. Кто посмел убить такого человека? И с какой целью? Он расстался со своей империей, так что пожить у него было нечем. Мертвый, он уже не мог делать щедрые подарки или использовать свое влияние во благо тех, у кого возникли нелады с судьбой или законом.

Могла ли его смерть рассматриваться как чья-то запоздалая месть? Или кто-то мог нагреть на этом руки? Разумеется, поводом для убийства могла стать женщина, но он овдовел чуть ли не тридцать лет тому назад, и с тех пор никто не видел его с женщиной; не числился он в ценителях женской красоты. Дети донна были выше подозрений. Убивали профессионалы, на которых они выйти не могли.

Более того, убийство донна многие восприняли чуть ли не как святотатство. Человек, который внушал такой страх, который тридцать лет железной рукой правил своей империей, недоступный ни слугам закона, ни конкурентам... как могло случиться, что его убили с такой легкостью? Он же ступил на путь праведный, отдал себя под защиту общества, но на этом пути судьба отмерила ему лишь коротких три года.

Удивляло и то, что смерть донна не вызвала всплеска интереса к его особе. Пресса очень скоро похоронила эту историю, полиция спустила расследование на тормозах, ФБР просто не стало вмешиваться, сославшись на то, что это местные дела. Выходило, что слава и власть донна Априле за три года испарились, как дым.

И преступный мир не выказывал ни малейшего интереса. Ответных ударов не последовало: все друзья и бывшие вассалы донна, казалось, забыли его. Даже дети вроде бы старались забыть о трагедии, смирившись с неизбежным.

Все, решительно все вычеркнули донна из жизни... за исключением Курта Силка.

* * *

Курт Силк, глава нью-йоркского отделения ФБР, решил внести свою лепту в расследование, хотя полицейское управление Нью-Йорка считало, что федералам там делать нечего. И начал с того, что побеседовал с членами семьи донна Априле.

Через месяц после похорон Силк в сопровождении своего заместителя Билла Бокстона заглянул к Маркантонио Априле. Оба понимали, что Маркантонио требует особого подхода. Руководитель отдела в одной из основных телевещательных компаний, он имел обширные связи в Вашингтоне. Через секретаря они договорились о встрече.

Маркантонио принял их в своем роскошном кабинете в штаб-квартире телекомпании. Радушно приветствовал их, предложил кофе, от которого они отказались. Высокий, симпатичный, смуглолицый мужчина в дорогом темном костюме и потрясающем розово-красном галстуке эксклюзивной работы модельера, изделия которого предпочитали носить многие телекомментаторы и

ведущие ток-шоу.

– Мы помогаем в расследовании убийства Раймонде Априле, – объяснил Силк причину визита. – Вы не знаете кого-нибудь из тех, кто мог затаить зло на вашего отца?

Маркантонио улыбнулся.

– Просто не могу знать. Мой отец держал нас на расстоянии, не подпускал к себе даже внуков. В его делах мы не принимали никакого участия, – и, словно извиняясь, Маркантонио взмахнул рукой.

Силку этот жест не понравился.

– И какая, вы думаете, на то была причина? – спросил он.

– Вам, господа, известно его прошлое. – Улыбка исчезла с лица Маркантонио. – Он не хотел, чтобы его дети каким-то боком имели отношение к тому, чем он занимался. Нас отправляли в школы, потом в колледжи, чтобы мы нашли свое место в этом мире. Он никогда не приезжал к нам пообедать. Но появлялся на выпускных вечерах.

И мы, когда поняли мотивы его поведения, могли только поблагодарить его.

– Вы очень быстро заняли столь высокий пост, – продолжил Силк. – Может, он вам немного помогал?

Впервые в голосе Маркантонио послышались недружелюбные нотки.

– Никогда. На телевидении молодые люди достаточно часто делают карьеру. Отец посылал меня в лучшие школы, выделял мне достаточно большое содержание. Я использовал деньги на, как мне казалось, перспективные проекты, и обычно делал правильный выбор.

– И вашего отца это радовало? – Силк пристально смотрел на Маркантонио, стараясь по выражению лица понять то, что оставалось за словами.

– Я не уверен, что отец в полной мере понимал, чем я занимаюсь, но мои успехи определенно его радовали, – сухо ответил Маркантонио.

– Вы знаете, я гонялся за вашим отцом двадцать лет, но так и не смог его поймать. Он был очень умен.

– Мы тоже не смогли, – ответил Маркантонио. – Ни мой брат, ни моя сестра, ни я.

Силк рассмеялся, словно услышал добрую шутку.

– А вы не думаете о сицилийском следе? Нет у вас никаких мыслей на этот счет?

– Абсолютно, – без запинки ответил Маркантонио. – Но я надеюсь, что вы поймаете убийцу.

– А его завещание? Он умер очень богатым человеком.

– Насчет этого вы должны поговорить с моей сестрой Николь, – ответил Маркантонио. – Исполнитель завещания – она.

– Но вы знакомы с его содержанием?

– Да, – холодно ответил Маркантонио.

– Вы не можете назвать человека, который, по вашему разумению, желал зла вашему отцу? – вмешался Бокстон.

– Нет, – покачал головой Маркантонио. – Если бы я знал такого человека, то обязательно назвал бы вам его.

– Понятно. – Сил к встал. – Я оставляю вам свою визитку. На всякий случай.

* * *

Прежде чем побеседовать с двумя другими детьми дона Априле, Сил к решил встретиться с главным городским детективом. Афишировать эту встречу ему не хотелось, поэтому он пригласил Пола Ди Бенедетто в один из модных итальянских ресторанов Ист-Сайда. Ди Бенедетто любил красивую жизнь, особенно если платили другие.

За долгие годы им неоднократно приходилось работать рука об руку, и Силка вполне устраивал такой партнер. А теперь он с улыбкой наблюдал, как Пол отдает должное каждому блюду.

– Нечасто феде приглашают нас, простых копов, на такой пир. Наверное, тебе что-то нужно.

– Готовят здесь отменно. Ты согласен?

Ди Бенедетто повел широченными плечами. Улыбнулся. Улыбка у него была потрясающая. Она разительно меняла грубое лицо, превращая его в добрую мордашку какого-нибудь персонажа диснеевских мультфильмов.

– Курт, это не ресторан, а дерьмо. И работают тут инопланетяне из глубокого космоса. Да, еда выглядит как итальянская, пахнет, как итальянская, но по вкусу она напоминает марсианскую замазку. Говорю тебе, здешние повара – инопланетяне.

Сил к рассмеялся.

– Ну хоть скажи, что вино хорошее.

– По вкусу вино напоминает лекарство, но я знаю, что это кровь морской свинки, смешанная с крем-содой.

– Тебе трудно угодить.

– Нет, – возразил Ди Бенедетто. – Мне угодить легко. В этом и проблема.

Сил к вздохнул.

– Двести баксов из федерального бюджета выброшено псу под хвост.

– Да нет же, – вновь улыбнулся Ди Бенедетто. – Я ценю доброе отношение. Так что у тебя случилось?

Сил к заказал эспрессо.

– Я расследую убийство дона Априле. Это твое дело, Пол. Мы следили за ним долгие годы и ничего не смогли найти. Он отходит от дел, живет как добропорядочный гражданин. У него нет ничего такого, на что кто-то может позариться. Так зачем убивать? Кто-то пошел на очень большой риск.

– Профессиональная работа, – покивал Ди Бенедетто. – Высший пилотаж.

– И что из этого следует?

– Смысла в убийстве никакого. Ты посадил за решетку большинство главарей мафии, это тоже профессионализм высшего класса. Снимаю перед тобой шляпу. Возможно, ты даже заставил дона уйти на пенсию. А той мелкоте, что осталась, убивать его незачем.

– А как насчет принадлежащих ему банков?

Ди Бенедетто помахал сигарой.

– Это по твоей части. Мы занимаемся отбросами.

– Семья? Наркотики, женщины, что-нибудь?

– Нет, нет и нет. Закопослушные граждане. Сделавшие блестящую карьеру. Дон об этом позаботился. Он хотел, чтобы они не имели ничего общего с его прошлым. – Ди Бенедетто помолчал, лицо его окаменело. – Это не месть. Он со всеми рассчитался. Но убили его не случайно. Должна быть причина. Кто-то от этого выигрывает. Вот мы и пытаемся разобраться, кто именно.

– А завещание?

– Регистрация назначена на завтра. Я спрашивал у его дочери. Она предложила мне подождать.

– И ты согласился?

– Естественно, – кивнул Ди Бенедетто. – Она – первоклассный адвокат, у нее обширные связи, ее контора имеет немалый политический вес. Так какого черта я буду на нее напирать? Наоборот, я глажу ее по шерстке.

– Может, мне удастся добиться большего.

– Я уверен, что удастся, – заверил его Ди Бенедетто.

* * *

Заместителя главного детектива Нью-Йорка Эспинеллу Вашингтон, афроамериканку шести футов роста, с коротко стриженными волосами и точеным лицом, Курт Силк знал добрых десять лет.

Она наводила ужас и на полицейских, которыми командовала, и на преступников. Силка в частности и ФБР вообще она недолюбливала, а потому всегда старалась подчеркнуть свою независимость.

Заглянувшего в ее кабинет Силка она встретила вопросом:

– Курт, ты пришел, чтобы озолотить еще одного моего чернокожего брата?

Силк рассмеялся.

– Нет, Эспинелла. Мне нужна информация.

– Ну и ну, – она покачала головой. – За бесплатно? Ты и так обошелся городу в пять миллионов долларов.

Под пиджаком Эспинеллы легко угадывалась наплечная кобура с револьвером. Светло-коричневые брюки подчеркивали стройность ног. На правой руке

сверкало кольцо с бриллиантом, грани которого могли разрезать щеку, как бритвой.

Она затаила зло на Силка, когда ФБР доказало необоснованность применения силы двумя ее детективами. В результате жертва получила внушительную компенсацию, а детективы угодили за решетку. Жертвой этой, враз ставшей богачом, был сутенер и торговец наркотиками, которого Эспинелла сама однажды избила до полусмерти. Несмотря на собственный цвет кожи, с черными преступниками она обходилась даже жестче, чем с белыми.

– Перестань избивать невиновных, и у меня не будет никаких претензий.

– Я и пальцем не касалась тех, кто действительно невиновен, – усмехнулась Эспинелла.

– Меня интересует убийство дона Априле.

– А что тебе до него? Это убийство подпадает под нашу юрисдикцию. Или ты хочешь защищать его гражданские права?

– Возможно, убийство связано с отмыванием денег и контрабандой наркотиков.

– Откуда ты это взял? – спросила Эспинелла.

– У нас свои источники информации.

Эспинелла вспыхнула как спичка.

– Гребаные феде, приходите, что-то вынюхиваете, а мне ничего сказать не хотите? Честного слова от вас не услышишь! Только и ждете, как бы арестовать хорошего копа! Грязную работу вы делать не желаете. Даже не знаете, что это такое. Убирайся из моего кабинета!

* * *

Сил к остался доволен результатом этих встреч. Много прояснилось. И Ди Бенедетто, и Эспинелла не горели желанием найти убийцу дона Априле. Не собирались они и сотрудничать с ФБР. Расследование велось формально, из чего вытекал однозначный вывод: их подкупили.

Обвинение не было голословным. Сил к знал, что наркотики распространяют только там, где полиция получает свою долю, и ему говорили, пусть в суде от этих показаний адвокаты не оставили бы камня на камне, что крупнейший наркодилер платит и Ди Бенедетто, и Эспинелле.

* * *

Перед тем как пообщаться с дочерью дона, Силк решил посетить его старшего сына, Валерия Априле. Для этого ему и Биллу Бокстону пришлось поехать в Уэст-Пойнт, где Валерий, полковник американской армии, преподавал тактику военных действий. Силку оставалось только гадать, что сие означает.

Валерий принял их в просторном кабинете. Окна выходили на плац, где курсанты занимались строевой подготовкой. В отличие от брата особого дружелюбия он не выказывал. Силк спросил, не знает ли он врагов своего отца.

– Нет, – ответил Валерий. – Последние двадцать лет я прослужил на зарубежных военных базах. Бывал на семейных торжествах, если выпадала такая возможность. Мой отец с нетерпением ждал, когда же меня произведут в генералы. Хотел увидеть меня с большой звездой на погонах. Его вполне устроило бы даже звание бригадного генерала[9 - Бригадный генерал — воинское звание между полковником и генерал-майором в сухопутных войсках, ВВС и морской пехоте США.].

– Так он был патриотом? – спросил Силк.

– Он любил эту страну, – сухо ответил Валерий.

– Он добился того, чтобы вас приняли в военное училище? – продолжил Силк.

– Полагаю, что да. Но генералом он меня сделать не смог. То ли в Пентагоне у него не было достаточного влияния, то ли я не тянул на генерала. Но в армии

мне все равно нравится. Я нашел свое место в жизни.

– Вы уверены, что не сможете помочь нам выйти на его врагов? – спросил Силк.

– У него их не было. Из моего отца вышел бы великий генерал. Уходя на пенсию, он полностью обеспечил свои тылы. А если уж ему приходилось применять силу, он всегда наносил упреждающий удар. Благо возможности у него были.

– Вас, похоже, особо не волнует тот факт, что вашего отца убили. У вас нет желания отомстить?

– Не больше, чем за коллегу-офицера, павшего в сражении, – ответил Валерий. – Мне, разумеется, хочется, чтобы убийц нашли. Кому приятно видеть, как убивают твоего отца.

– Вам что-нибудь известно о завещании?

– Об этом вам надо спрашивать у моей сестры.

* * *

Во второй половине того же дня Силк и Бокстон сидели в кабинете Николь Априле. Здесь их ждал совсем другой прием. Чтобы добраться до кабинета, им пришлось преодолеть тройной секретарский барьер и личного телохранителя. Как показалось Силку, при необходимости девица могла бы разделаться с ним и Бокстоном в две секунды. Чувствовалось, что силой она не уступает мужчине. Поверх свитера и черных слаксов она носила просторный пиджак.

Николь встретила их без особой теплоты.

– Господа, я могу выделить вам ровно двадцать минут, – и протянула руку за удостоверением Силка. Внимательно изучила его. – Специальный агент, а? Не слишком ли большая шишка занялась столь рутинным расследованием?

Тон этот Силк слышал не раз, и всегда он вызывал у него неприязнь. Чуть пренебрежительный тон федеральных юристов, избираемый ими в контактах со

следственной структурой, за которой они осуществляли надзор.

– Ваш отец был очень известным человеком, – ответил Силк.

– Да, до того как вышел на пенсию и вверил себя защите закона. – Голос Николь переполняла горечь. Силк отметил про себя, что ей очень идет темно-фиолетовый костюм работы одного из известных кутюрье. Длинные черные волосы блестели, в ушах сверкали большие серьги-кольца. На строгом лице выделялись большущие карие глаза.

– От этого его убийство выглядит еще более загадочным. Мы надеялись, что у вас есть какие-нибудь идеи насчет того, кто мог затаить на него зло.

– Загадочного тут ничего нет, – возразила Николь. – Его жизнь вы знаете гораздо лучше, чем я. Врагов у него было много. В их число входили и вы.

– Даже самые бескомпромиссные наши критики не обвиняли ФБР в том, что его агенты стреляли в вашего отца, – сухо ответил Силк. – И я не был ему врагом. Я всего лишь слуга закона. После того как он удалился от дел, врагов у него не стало. Он от них откупился. – Силк помолчал. – Мне представляется странным, что ни вы, ни ваши братья, судя по всему, не заинтересованы в том, чтобы найти человека, убившего вашего отца.

– Потому что мы не лицемеры, – ответила Николь. – Наш отец не был святым. Он знал правила игры, в которой участвовал. – Теперь она выдержала паузу. – И вы ошибаетесь насчет того, что мы не заинтересованы. Я как раз готовлю заявление с просьбой ознакомиться с фэбээровским досье отца. Согласно Закону о свободе информации[10 - Закон о свободе информации, принятый в 1966 г., обязывает все федеральные ведомства США обеспечить гражданам свободный доступ ко всей информации, которой они располагают.] я имею на это право. Надеюсь, вы не будете чинить мне препятствий, иначе мы станем врагами.

– В этом вы вольны вести себя, как вам того хочется, – ответил Силк. – Но я полагаю, что вы можете мне помочь, ознакомив меня с содержанием завещания вашего отца.

– Я не составляла завещание.

– Но я слышал, что исполнитель завещания – вы. То есть вы должны знать его содержание.

– Завтра мы направляем завещание на утверждение в суд по делам о наследствах. Там вы с ним сможете ознакомиться.

– Можете вы нам чем-нибудь помочь? Сообщить что-то такое, что может пролить свет на совершенное преступление?

– Я могу сообщить вам только одно: пока будут силы, на пенсию не уйду.

– Так почему вы не хотите познакомить меня с завещанием сегодня?

– Потому что не обязана этого делать, – холодно ответила Николь.

– Я достаточно хорошо знал вашего отца. В подобной ситуации он бы руководствовался здравым смыслом.

Впервые во взгляде Николь мелькнуло уважение к собеседнику.

– Ваша правда. Хорошо. Перед смертью мой отец раздал очень многое. Нам он оставил свои банки. Мои братья и я получили сорок девять процентов акций, пятьдесят один процент отошел нашему кузену, Асторре Виоле.

– Можете вы что-нибудь рассказать о нем?

– Асторре моложе меня. Никогда не участвовал в деловой жизни отца, и мы все его любим, потому что он очаровательный чудик. Разумеется, сейчас я люблю его меньше.

Сил к порылся в памяти. Вроде бы досье на Асторре Виолу он не видел. Неужели в ФБР его не было? Странно...

– Вы не могли бы дать мне его адрес и телефон? – спросил он.

– Могу. Но вы только зря потратите время. Уверяю вас.

– Я должен выяснить все подробности. – В голосе Силка слышались извиняющиеся нотки.

– А с чего вдруг такой интерес? – полюбопытствовала Николь. – Это же местное убийство.

– Все десять банков, принадлежащих вашему отцу, – международные. Возможны незаконные операции с валютой.

– Да, конечно, – покивала Николь. – Тогда я запрошу его досье немедленно. В конце концов, теперь часть банков принадлежит мне, – и она ослепительно улыбнулась.

Силк уже понял, что с ней придется держать ухо востро.

* * *

На следующий день Силк поехал в округ Уэст-честер на встречу с Асторре Виолой. Лесом они проехали к огромному особняку. На лугу, окруженном проволочным забором, паслись шесть лошадей. На стоянке у дома застыли четыре легковушки и минивэн. Силк запомнил номера двух автомобилей.

Женщина лет семидесяти открыла им дверь и провела в гостиную, заставленную звукозаписывающей аппаратурой. Четверо молодых людей играли стоя, пятый сидел за роялем. Классический джаз-банд: саксофон, контрабас, гитара и барабаны. Асторре хриплым голосом пел в микрофон. Даже Силк мог сказать, что на такую музыку ни слушателей, ни покупателей не найдется.

Асторре перестал петь, повернулся к гостям.

– Вас не затруднит подождать пять минут, пока мы закончим запись? Потом мои друзья уедут, и я буду в полном вашем распоряжении.

– Конечно, подождем, – кивнул Силк.

– Принеси им кофе, – бросил Асторре служанке.

Силку это понравилось. Сюсюканья со слугами он не одобрял. Им полагалось отдавать распоряжения.

Но прождали Силк и Бокстон дольше, чем пять минут. Асторре записывал итальянскую песенку, аккомпанируя себе на банджо. Пел он на каком-то грубом, незнакомом Силку диалекте. Но пел с чувством, так что Силк не считал, что зря теряет время.

Наконец запись закончилась, и друзья Асторре отбыли. Он подошел к ним, вытирая с лица пот.

– Получилось не так уж и плохо, – он рассмеялся. – Как по-вашему?

Силку Асторре сразу понравился. Лет тридцати, с юношеским задором, не строящий из себя важную птицу. Высокий, хорошо сложенный, с легкой грацией боксера. Смуглый, с резкими чертами лица. Вроде бы не из тех, кто выставляет напоказ свое богатство, но шею обвивала плоская золотая цепь шириной в два дюйма с литым медальоном, на котором была изображена Дева Мария.

– Мне понравилось, – ответил Силк. – Вы делали запись для продажи?

Асторре широко улыбнулся.

– Если бы. Мастерства не хватает. Но мне нравятся эти песни, и записи я дарю друзьям.

Силк решил, что пора переходить к делу.

– Надеюсь, вы понимаете, что я должен задать вам несколько вопросов. Таков порядок. Знаете вы кого-нибудь, кто хотел бы причинить вред вашему дяде?

– Нет, – без запинки ответил Асторре, глядя Силку в глаза. Этот ответ агенту ФБР уже надоел. У всех были враги, а уж тем более у Раймонде Априле.

– Вы унаследовали контрольный пакет в банках Раймонде Априле, – продолжил Силк. – Вас связывали близкие отношения?

– Откровенно говоря, я сам этого не понимаю, – ответил Асторре. – В детстве я был одним из его любимчиков. Он помог мне организовать собственное дело, а потом, казалось, забыл обо мне.

– Какое дело? – спросил Силк.

– Я импортирую из Италии высококачественные macaroni.

Силк ответил скептическим взглядом.

– Макароны?

Асторре улыбнулся: к такой реакции он уже привык.

– Вы знаете, что Ли Якокка[11 - Якокка, Ли (Лидо Энтони, р. в 1924 г.) – один из лучших топ-менеджеров автостроительной промышленности. С 1970 по 1978 г. президент компании «Форд», руководил разработкой концепции и созданием модели автомобиля «Мустанг». В 1979 г. возглавил компанию «Крайслер», находившуюся на грани банкротства, и к 1984 г. вывел ее в лидеры автостроительной промышленности. Автор бестселлера «Якокка: автобиография» (1984 г.). Послужил прототипом главного героя знаменитой дилогии Гарольда Роббинса «Бетси» и «Мустанг».] никогда не говорит «автомобили» – только «машины»? Вот и в моем бизнесе мы не говорим pasta или spaghetti, только macaroni.

– А теперь вы будете банкиром? – спросил Силк.

– Почему не попробовать?

* * *

– И что ты думаешь? – спросил Силк Бокстона. Заместитель ему нравился. Бокстон, как и он сам, верил в Бюро, верил в неподкупность и честность его сотрудников и руководства, верил, что по эффективности оно даст сто очков вперед любому другому правоохранительному ведомству.

– Вроде бы говорил он откровенно, – ответил Бокстон. – Но они всегда так говорят.

Это точно, подумал Силк. И вдруг вспомнил о том, что медальон на золотой цепи за время разговора ни разу не шевельнулся, словно его приклеили к коже.

* * *

Самую важную встречу Силк провел последней: с Тиммоной Портеллой, единственным в Нью-Йорке, за исключением дона Априле, боссом мафии, избежавшим суда после проведенного Силком расследования.

Портелла руководил своим бизнесом из громадной квартиры-пентхауса, занимавшей большую часть крыши принадлежащего ему высотного здания, расположенного в Вест-Сайде. Система охраны здания ничуть не уступала Форт-Ноксу, а до своего поместья в Нью-Джерси Портелла добирался обычно на вертолете, для которого на крыше имелась посадочная площадка. Так что его нога чрезвычайно редко касалась тротуаров Нью-Йорка.

Портелла, мужчина необъятных размеров, в темном костюме и белоснежной рубашке, встретил Силка и Бокстона в своем кабинете, заставленном огромными кожаными креслами. Панорамные, во всю стену, окна из пуленепробиваемого стекла не мешали любоваться городским пейзажем.

Силк пожал мясистую руку, отметил качество темного галстука, свисавшего с толстой шеи.

– Курт, чем я могу тебе помочь? – высоким тенором спросил Портелла. Бокстона он проигнорировал.

– Меня интересует дело Априле. Я подумал, может, ты сможешь сообщить мне что-нибудь интересное.

– Его убийство просто позор. Все любили Раймонде Априле. Для меня загадка, кто мог пойти на такое. В последние годы дон стал таким хорошим человеком. Святым, истинным святым. Раздавал деньги, словно Рокфеллер. Когда бог забрал его, душа у него была чиста.

– Бог его не забрал, – сухо ответил Силк. – Убивали профессионалы. Следовательно, должен быть мотив. – Во взгляде Портеллы что-то мелькнуло, но он промолчал, поэтому Силк продолжил: – Ты много лет имел с ним общие дела. Ты должен что-то знать. Что ты можешь сказать насчет племянника, который наследует банки?

– Действительно, много лет тому назад какие-то дела у нас были, – кивнул Портелла. – Когда Априле уходил на заслуженный отдых, он мог с легкостью убить меня. Я, однако, жив, и это доказывает, что мы не были врагами. Насчет племянника я ничего не знаю, кроме того, что он музыкант. Поет на свадьбах, вечеринках, даже в маленьких ночных клубах. Один из тех молодых людей, от которых старики вроде меня без ума. Он продает хорошие итальянские макароны. – Он помолчал, вздохнул. – Убийство великого человека всегда окутано тайной.

– Ты знаешь, что твоя помощь не останется незамеченной.

– Разумеется. ФБР всегда играет честно. Я знаю, что моя помощь мне зачтется. – И тепло улыбнулся Силку и Бокстону, продемонстрировав ровные, белые зубы.

– Я читал досье этого парня, – сказал Бокстон Силку по дороге на работу. – Он торгует наркотиками, контролирует проституцию, и он – убийца. Как получилось, что мы не смогли его посадить?

– Вреда от него меньше, чем от большинства остальных, – ответил Силк. – И мы его еще посадим.

* * *

Курт Силк приказал организовать электронное наблюдение за домами Николь Априле и Асторре Виолы. Федеральный судья подписал соответствующий ордер. Не то чтобы у Силка возникли какие-то подозрения, он просто хотел подстраховаться. Николь могла причинить немало хлопот, а у Асторре разве что не росли крылышки. Существование ангелов на грешной земле вызывало у Силка большие сомнения. О том, чтобы поставить «жучки» в доме Валерия, не могло быть и речи: он жил на территории военной академии.

Силк узнал, что лошади, которых он видел на лугу, – страсть Асторре. Что каждое утро перед верховой прогулкой он сам чистил и взнуздывал одну из них. Более того, на прогулку выезжал в классическом английском наряде, включая красную куртку и охотничьи кепи из черной замши.

Ему с трудом верилось в беспомощность Асторре, которого как-то раз выбрали в качестве жертвы трое грабителей. Случилось это в Центральном парке. Асторре, похоже, ускользнул, но из полицейского отчета Силк так и не понял, чем закончилась эта история для грабителей.

* * *

Двумя неделями позже Силк и Бокстон смогли прослушать записи, сделанные в доме Асторре. Пленки зафиксировали голоса Николь, Маркантонио, Валерия и Асторре. Лишившись масок, теперь они представлялись Силку более живыми и человеческими.

– Почему они пытались тебя убить? – спрашивала Николь, ее голос переполняла тревога. И куда только подевалась та холодность, с которой она принимала Силка.

– Должна быть причина, – заметил Валерий. Его голос звучал гораздо мягче. – Я не имел никакого отношения к делам старика, поэтому за себя я не волнуюсь. А как насчет тебя?

В голосе Маркантонио звучали пренебрежительные нотки: чувствовалось, что он не любил брата.

– Вэл, старик определил тебя в Уэст-Пойнт, потому что ты был хлюпиком. Он хотел закалить твой характер. Потом он способствовал твоему продвижению по службе. Ему хотелось, чтобы ты стал большим начальником. Генерал Априле – это звучит гордо. Кто знает, за какие он дергал ниточки. – На пленке голос вибрировал от эмоций.

После долгой паузы Маркантонио продолжил:

– Разумеется, в начале пути он помог и мне. Финансировал мою компанию по производству телепрограмм. И многие агентства давали мне скидку при заключении договоров с их звездами. Послушайте, мы не стали частью его жизни, но он постоянно присутствовал в наших. Николь, старик сэкономил тебе десять лет, сразу устроив тебя в эту юридическую фирму. И твои макароны, Асторре, едва ли попали бы на полки супермаркетов, если б он не замолвил за тебя словечко.

Внезапно Николь разозлилась.

– Папа помог мне переступить порог, но дальнейшими успехами я обязана только себе. Мне приходилось зубами вырывать у тамошних акул каждого клиента, каждое дело. Я работала по восемьдесят часов в неделю! – Она замолчала, потом заговорила вновь, уже ледяным голосом. Скорее всего, повернувшись к Асторре. – И я хочу знать, почему папа возложил на тебя руководство банками. Какое ты имеешь к ним отношение?

– Николь, я понятия не имею, – извиняющимся тоном ответил Асторре. – Я его об этом не просил. У меня свой бизнес, мне нравится петь и ездить верхом. Кроме того, в решении дона для вас есть и светлая сторона. Всю работу придется делать мне, а прибыль будет поровну делиться на нас четверых.

– Но контрольный пакет у тебя, а ты всего лишь кузен, – резонно указала Николь. И с сарказмом добавила: – Наверное, потому, что ему очень нравилось твое пение.

– Ты собираешься сам управлять банками? – спросил Валерий.

– О, нет, нет, нет! – с притворным ужасом воскликнул Асторре. – Николь даст мне список фамилий, чтобы я смог выбрать подходящего ГУ[12 - ГУ – главный управляющий.].

– Я все-таки не понимаю, почему отец не назначил меня, – раздраженно вырвалось у Николь. – Почему?

– Потому что он не хотел, чтобы кто-то из его детей получал преимущество перед остальными, – ответил Маркантонио.

– Может, для того, чтобы не подвергать вас опасности? – предположил Асторре.

– А как вам понравился этот парень из ФБР, который приходил к нам, прикидываясь лучшим другом? – спросила Николь. – Он столько лет отслеживал отца. А теперь думает, что мы поделимся с ним семейными секретами. Каков негодяй.

Силк почувствовал, что краснеет. Он такого отношения не заслужил.

– Он выполняет свой долг, – заступился за него Валерий, – и это работа не из легких. Мне представляется, что он очень умен. Все-таки он отправил в тюрьму многих друзей отца. И на большие сроки.

– Предатели, осведомители, – презрительно бросила Николь. – Закон РИКО они применяют очень избирательно[13 - В 1980-е годы закон РИКО неоднократно применялся при слушании дел, не связанных с действиями мафиозных группировок, поэтому стал вызывать пристальное внимание защитников гражданских прав. Встал вопрос о нарушении законом некоторых конституционных положений.]. Следуя этому закону, они могут отправить за решетку половину наших политических деятелей и большинство тех, кто возглавляет форчуновские пять сотен[14 - «Форчун-500» – список крупнейших американских компаний, ежегодно публикуемый журналом «Форчун», одним из ведущих экономико-политических периодических изданий Соединенных Штатов.].

– Николь, ты же корпоративный адвокат, – одернул ее Маркантонио. – Прекрати.

– Где агенты ФБР берут такие элегантные костюмы? – задумчиво осведомился Асторре. – У них есть специальный портной?

– Дело не в костюмах, а в том, как они их носят, – ответил Маркантонио. – В этом весь секрет. Но на TV нам не удастся показать такого персонажа, как Силк. Предельно искреннего, предельно честного, приятного во всех отношениях. Которому, однако, ни в чем нельзя доверять.

– Марк, забудь о своих TV-шоу, которые так же далеки от жизни, как Марс от Земли. – В голосе Валерия слышались нотки раздражения. – Мы в сложной ситуации, и, чтобы выйти из нее, необходимо ответить на два вопроса. Сначала –

почему, потом – кто. Почему убили отца? И кто мог это сделать? Все говорят, что врагов у него не осталось и у него не было ничего такого, на что мог позариться кто-то еще.

– Я обратилась в Бюро с просьбой разрешить мне ознакомиться с досье отца, – вставила Николь. – Возможно, там мы найдем ответ.

– И что с того? – спросил Маркантонио. – Мы все равно не сможем ничего сделать. Отец хотел бы, чтобы мы обо всем забыли. Убийц должны искать компетентные органы.

В голосе Николь зазвучало презрение.

– Выходит, нам без разницы, кто убил нашего отца? А ты, Асторре? Придерживаешься того же мнения?

– А что мы можем сделать? – Асторре пытался урезонить Николь. – Я любил твоего отца. Я благодарен ему за то, что в своем завещании он так щедро одарил меня. Давай подождем, посмотрим, что из всего этого выйдет. Честно говоря, Сил к мне понравился. Если есть что найти, он найдет. У нас всех нормальная жизнь, почему мы должны что-то менять? – Он помолчал. – Мне надо встретиться с одним из моих поставщиков, поэтому я уезжаю. А вы еще посидите, благо есть о чем поговорить.

Последовала долгая пауза. К Асторре Силк проникся самыми теплыми чувствами, с остальными никаких дел иметь не хотелось. Но в целом он остался доволен. Эти люди не представляли опасности, от них не приходилось ждать неприятных сюрпризов.

– Я люблю Асторре, – раздался голос Николь. – Он был ближе к отцу, чем любой из нас.

Но он такой рохля. Марк, можно что-нибудь сделать с его песнями?

Маркантонио рассмеялся.

– В нашем бизнесе таких, как он, тысячи. Он – что футбольная звезда в команде маленькой средней школы. Смотреть на него приятно, но настоящего мастерства нет. Впрочем, он и не стремится в высшую лигу. У него процветающий бизнес, а поет он для собственного удовольствия. Так зачем что-то менять?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вилланова – частный университет в Пенсильвании, основан в 1842 г.

2

Феды – жаргонное прозвище агентов Федерального бюро расследований.

3

Закон РИКО (RICO Act) – закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях. Принят в 1970 г. с целью борьбы с организованной преступностью. Разрешал конфискацию после предъявления обвинительного

акта незаконно приобретенных или используемых активов обвиняемого и предусматривал возмещение убытков истца в тройном размере, если последний мог доказать, что ответчик систематически занимался рэкетом.

4

Уэст-Пойнт – разговорное название Военной академии сухопутных войск США.

5

«Бароны-разбойники» — презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в., зачастую при помощи обмана и грубой силы (сам термин пошел от прозвища мелких феодалов в средневековой Европе, взимавших подати за проезд через свои земли).

6

Сакко и Ванцетти – анархисты, деятели рабочего движения. 5 мая 1920 г. были арестованы по обвинению в убийстве с целью ограбления кассира обувной фабрики. Процесс проходил в обстановке панического страха перед развитием рабочего движения и «красной опасности». Несмотря на отсутствие прямых улик, 14 июня 1921 г. признаны виновными и приговорены к смертной казни на электрическом стуле. 23 августа 1927 г. казнены без рассмотрения апелляции, невзирая на признание арестованного к тому времени настоящего убийцы кассира.

7

Мост Верразано-Нэрроуз построен в 1959–1964 гг., соединяет районы Нью-Йорка Бруклин и Ричмонд у входа в Нью-Йоркскую гавань. Назван в честь итальянского мореплавателя Джованни ди Верразано, служившего французскому королю Франциску I, который в 1524 г. исследовал Атлантическое побережье Северной Америки и, по некоторым сведениям, открыл Нью-Йоркскую гавань.

8

Национальный праздник США, ежегодно отмечаемый в четвертый четверг октября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 г. после голодной зимы. Впервые отмечался при президенте Дж. Вашингтоне 26 ноября 1789 г. В 1863 г. президент Линкольн объявил его национальным праздником и нерабочим днем.

9

Бригадный генерал — воинское звание между полковником и генерал-майором в сухопутных войсках, ВВС и морской пехоте США.

10

Закон о свободе информации, принятый в 1966 г., обязывает все федеральные ведомства США обеспечить гражданам свободный доступ ко всей информации, которой они располагают.

Якокка, Ли (Лидо Энтони, р. в 1924 г.) – один из лучших топ-менеджеров автостроительной промышленности. С 1970 по 1978 г. президент компании «Форд», руководил разработкой концепции и созданием модели автомобиля «Мустанг». В 1979 г. возглавил компанию «Крайслер», находившуюся на грани банкротства, и к 1984 г. вывел ее в лидеры автостроительной промышленности. Автор бестселлера «Якокка: автобиография» (1984 г.). Послужил прототипом главного героя знаменитой дилогии Гарольда Роббинса «Бетси» и «Мустанг».

ГУ – главный управляющий.

В 1980-е годы закон РИКО неоднократно применялся при слушании дел, не связанных с действиями мафиозных группировок, поэтому стал вызывать пристальное внимание защитников гражданских прав. Встал вопрос о нарушении законом некоторых конституционных положений.

«Форчун-500» – список крупнейших американских компаний, ежегодно публикуемый журналом «Форчун», одним из ведущих экономико-политических периодических изданий Соединенных Штатов.

Купить: <https://telnovel.com/mario-pyuzo/omerta>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)